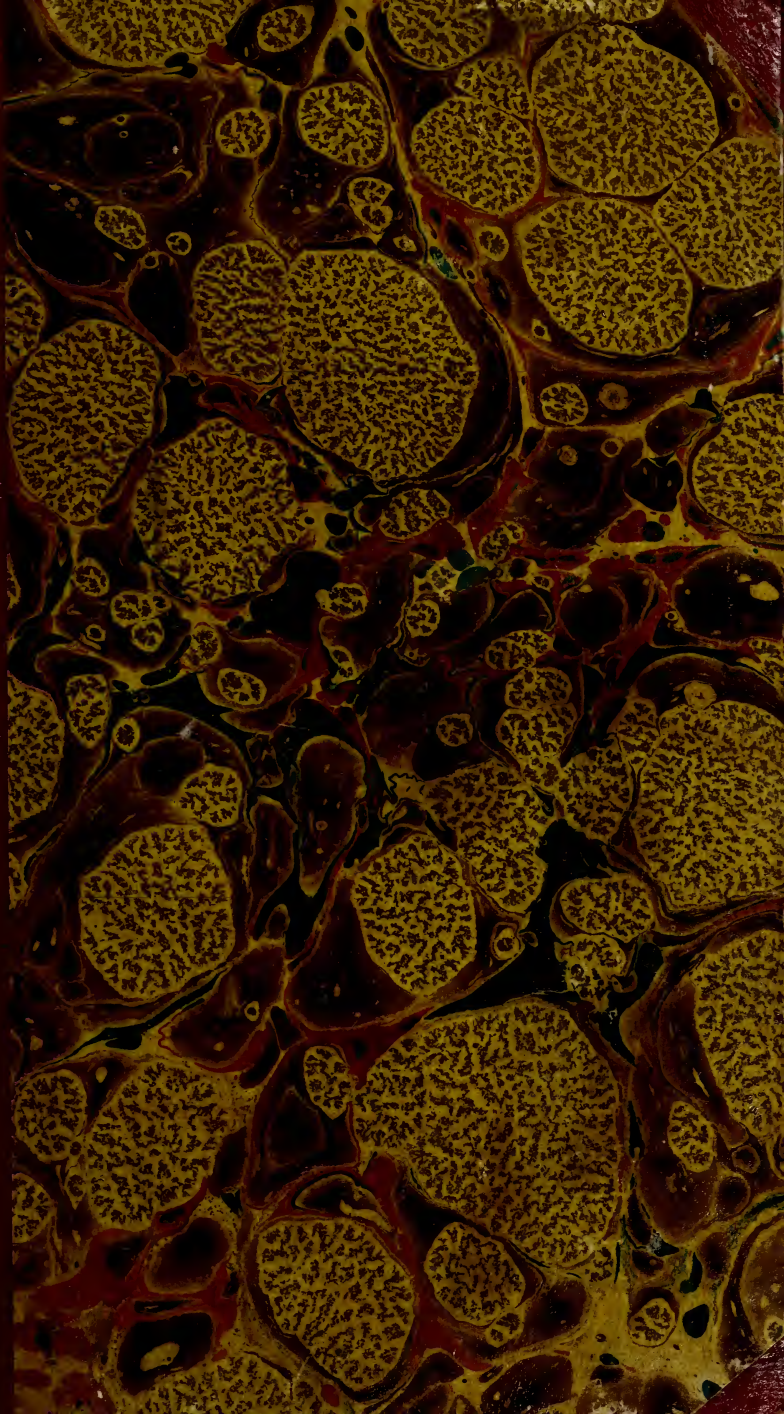


ПЕРЕПИСКА

РУССКИХЪ СОЛДАТЪ.

Digitized by the Internet Archive
in 2013

http://archive.org/details/podaroktovarishc008800

ПОДАРОКЪ ТОВАРИЩАМЪ,

или

ПЕРЕПИСКА РУССКИХЪ СОЛДАТЪ ВЪ 1812 ГОДУ,

изданная

РУССКИМЪ ИНВАЛИДОМЪ,

Иваномъ Скобелевымъ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФІИ Н. ГРЕЧА.

1833.

Печатать позволяется,

съ тѣмъ, чтобы, по напечатаніи, представлены были въ Цензурный Комитетъ три экземпляра. Санктпетербургъ, 27-го Мая 1833 года.

Цензоръ П. Гаевскій.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

При вступленіи моемъ на поприще высокославнаго военнаго ремесла, какъ водится, ввѣренъ я былъ молодому, но опытному и строгому въ правилахъ службы солдату, Кремневу, который, въ дополненіе ко многимъ украшавшимъ его достоинствамъ, зналъ грамотѣ, что въ старину между нижними чинами большою было рѣдкостью, но что, вмѣстѣ съ отличнымъ поведеніемъ, непосредственно сообщало Кремневу возможность съ успѣхомъ пріобрѣтать довѣренность старшихъ, любовь и уваженіе равныхъ.

Стараясь каждому по силѣ возможности услужить, Кремневъ былъ общее всей роты достояніе. Онъ даже и среди трудной службы, при просьбахъ товарищей, по нѣскольку разъ перечитывалъ получаемыя ими отъ родныхъ письма, съ удовольствіемъ составлялъ отвѣты, и въ продѣлкахъ сего рода въ ротѣ не было равнаго ему мастера, — что и не удивительно! Какъ малый смѣтливый, изъ ежедневныхъ бесѣдъ Кремневъ зналъ предшествующую исторію каждаго героя новобранца; почему легко угадывалъ мѣру привязанности и страсти ихъ къ осиротѣвшимъ супругамъ, и никогда не ошибался, расточая нѣж-

BIBLIOTHECA SAVANE

ности къ лицу вѣрныхъ и милыхъ сердцу дражайшихъ половинъ! Всѣ влюбленные были отъ него безъ памяти; не менѣе благодарными оставались и ревнивые. Кремневъ удачно, рѣшительно и вѣрно, по ихъ мнѣнію, ограничивалъ личное цѣломудріе заочною грозою; но пріобрѣтая такимъ образомъ средства господствовать надъ понятіями товарищей по сердечной экспедиціи, Кремневъ умѣлъ обращать оныя въ пользу службы: онъ назидалъ нравственность неопытныхъ, производилъ спасительное вліяніе на сомнительныхъ солдатъ, и успѣхи столь похвальныхъ трудовъ безъ мѣры восхищали добраго

Кремнева, всеобщаго ротнаго дядьку, какъ величали его всѣ безъ изъятія.

Не имѣя, кромѣ Всемогущаго Бога и матушки службы, ни въ комъ рѣшительно подпоры и покрова, какъ ястребъ добычу ловилъ я полезные уроки, и Кремневъ при первой встрѣчѣ обратился мнѣ въ предметъ подражанія достойный; стараясь же всѣми способностями ума и сердца слѣдовать совѣтамъ, примѣрамъ и похвальному его поведенію, въ непродолжительномъ времени убѣдился я въ пользѣ избраннаго пути полученнымъ мною чиномъ капрала, какъ плодомъ спасительныхъ наставленій Кремнева и бук-

вальной покорности моей къ благородной волѣ храбраго, умнаго Русскаго солдата, чѣмъ скрѣпилась вѣчная между нами дружба, и по сей часъ за священную мною признаваемая. —

Въ послѣдствіи обстоятельства службы разлучили меня съ Кремневымъ. Но въ вѣкъ нашъ, полный слезныхъ превратностей, громкихъ побѣдъ и блестящей славы, и самому лѣнивому изъ людей, къ оружію способныхъ, трудно бы было избѣжать встрѣчи съ товарищемъ на кровавыхъ поляхъ битвы за честь и независимость роднаго края. Не за-долго предъ отечественной войной, славный Кремневъ, получа уволь-

неніе отъ службы, женился, а въ 1812 году мы снова встрѣтились, и вмѣстѣ торжествовали съ другомъ всеобщій Европейскій праздникъ (*)! Отъ сего-то Кремнева получены нѣкоторыя письма Русскихъ солдатъ въ числѣ нынѣ мною издаваемыхъ, вмѣстѣ съ душевнымъ желаніемъ, чтобъ каждый, воспользовавшійся уроками моихъ героевъ, столь же щедро уплаченъ былъ всеблагимъ Провидѣніемъ, сколько опокровительствованы онымъ и Сочинители и Издатель.

Пышныя затѣи нашему брату инвалиду не къ лицу, а слава сама

(*) Паденіе Наполеона.

собою, вмѣстѣ съ 1812-мъ годомъ, по закону булата, пороха и чести, безъ всякой церемоніи, неразлучная спутница до гроба всѣхъ служившихъ въ роковой годъ сей, причемъ: хлѣба съ брюхо, одежи съ ношу, мы и довольны, но чистая совѣсть, душа покойная, безмятежная, къ Престолу Вышняго Бога всечасно безъ трепета предстать готовая, — вотъ верховное благо на клюку павшаго воина, къ Вѣрѣ, Трону и Отечеству священную обязанность безъ недоимки на чистоту выполнившаго, и горе, кто о драгоцѣнностяхъ сихъ не думалъ въ свое время и кому въ часъ смер-

ти утѣшительныя чувства сіи чужды!

Наконецъ благосклоннѣйшую публику, нѣжную мать и командиршу, покорнѣйше прошу простить недостаткамъ, въ переписку Русскихъ солдатъ вкравшимся. Цѣль изданія сего относится исключительно къ пользѣ солдатъ; писано оно солдатами, слѣдственно не на щегольскую руку! Впрочемъ стоитъ приказать: Русскій солдатъ ко всему способенъ, и все сдѣлаетъ за словомъ! Кому неизвѣстно, что у насъ, на святой Руси, во вновь сформированномъ полку, ровнехонько черезъ два мѣсяца является полный оркестръ полковой музыки, съ тихимъ и

скорымъ маршами для развода, съ экосезомъ и мазуркою для бала, съ бычкомъ и казачкомъ для секретарской вечеринки, и виртуозы, славныя дѣти благословеннаго Сѣвера, съ незаросшею еще военною замѣткою, съ непрошедшею тоскою по родинѣ, кулакомъ слезы утираютъ, а лихо играютъ. Но кстати скажемъ про товарища.

Имѣя десять уже вершковъ роста, питомецъ поля славы, унтеръ-офицеръ Скворцовъ, читалъ по складамъ, а буквами: *блаженъ мужъ, иже не иде на совѣтъ нечестивыхъ*, писалъ по линѣйкамъ, но о дальнѣйшемъ себя просвѣщеніи не входило ему въ голову.

Боже упаси! разсуждать о премудрости! штыкъ родимый! въ тебѣ слава моя молодецкая, думалъ онъ, и не ошибался; но вступя однажды въ должность фельдфебеля, Скворцову пришлось подать утреннюю рапортичку Шефу, которую подписалъ своеручно къ довершенію утлаго мастерства столь дурнымъ перомъ, что скромныя графы ротнаго чистописца, вмѣстѣ съ цифрами спрятались за церковныя литеры, какъ флейщикъ за фланговаго гренадера. Чья это подпись? — спросилъ Генералъ, развернувъ рапортичку. „Моя собственная“ (у насъ не поживишься, — грамотку-то и мы схватили, отвѣчая, думалъ про

себя мой герой,—но ошибся). „Послушай, братъ Скворцовъ; уговоръ лучше денегъ: не умѣть писать такому молодцу стыдно; при отличной службѣ ты могъ бы со временемъ сдѣлаться человѣкомъ, а сей въ тебѣ недостатокъ вѣчнымъ будетъ препятствіемъ, и потому, вотъ тебѣ мѣсяцъ сроку: чрезъ тридцать ровно дней, ты долженъ принесть мнѣ рапортичку, рѣшительно всю твоею рукою написанную, въ противномъ случаѣ галуны долой и сверхъ того... понимаешь?.....“—„Понимаю, Ваше Превосходительство,“ сказалъ Скворцовъ, и сдѣлавъ при поворотѣ на право-кругомъ (какъ водилось) приступъ такъ, что стѣны

заговорили, явился къ Шефу въ назначенное время, съ возможностію написать рапортъ даже и самому Царю! Теперь этотъ Скворцовъ поетъ, какъ будто и взаправская птица, что также вовсе не хитро: при благотворныхъ вліяніяхъ молодецкаго роднаго нашего климата успѣхъ зависитъ отъ доброй воли, желанія и трудовъ; даромъ ничего не дается: *толцыте и отверзется; просите, и дастся.* Но чтобъ болѣе убѣдить въ способности Русскихъ солдатъ, молвимъ и еще про товарища, вмѣстѣ съ Скворцовымъ въ солдатскихъ казармахъ курсъ наукъ проходившаго.

Въ 1812 году, послѣ знамени-

шаго сраженія подъ Краснымъ, надобно было составить изъ Русской Арміи Русское извѣстіе. Кутузовъ, призвавъ къ себѣ Настругова (не задолго предъ тѣмъ штыкъ на шпагу промѣнявшаго) приказалъ, чтобъ извѣстіе чрезъ двадцать четыре часа было готово.—„Помилуйте, Ваша Свѣтлость,“ возопилъ бѣдный Наструговъ, готовый въ испугѣ упасть на колѣни: „извѣстіе, самоучкою написанное, извѣстить всю Россію о невѣжествѣ Настругова, и ополчить всѣхъ Литераторовъ, которые передадутъ горькое имя чудака грядущимъ вѣкамъ!“—„Ни слова больше!“ прервалъ Фельдмаршалъ: „ступай и пиши! Въ про-

тивномъ случаѣ я заставлю тебя раскаяваться за упрямство, понимаешъ?...“—„Понимаю! но за исправность Грамматики, воля ваша, рѣшительно не отвѣчаю,“ сказалъ сквозь слезъ жалкій авторъ; не менѣе того чрезъ 24 часа извѣстіе готово, безъ запятыхъ конечно, но въ этомъ самоучку винить не должно: ему нужны примѣры, а въ пользу Грамматики ихъ нѣтъ въ Русской Арміи, которая съ безсмертнымъ другомъ славы, Суворовымъ (*), при знакахъ удивительныхъ, но безъ запятыхъ, и даже безъ во-

(*) Коснувшись священной памяти Суворова, не могу не вспомнить Кремнева, который хваля однажды по-своему, вдохновен-

просительныхъ, перелетала рѣки, горы, долы и бездонныя пропасти, а съ батюшкою Бѣлымъ Царемъ своимъ, шагнула съ одною только точкою препинанія отъ Вильны до Парижа. Изъ какихъ же источниковъ прикажете бѣдному самоучкѣ черпать грамматическіе уроки? Въ слѣдствіе чего покорнѣйше прошу всѣхъ храбрыхъ литературнаго поля витязей за сочиненіе направлять удары прямо въ каменную грудь Издателя, урода инвалида, а за

наго генія, незабвеннаго Полководца, сказалъ: »Суворовъ! драгоцѣнный подарокъ отъ Христа! онъ былъ свѣтлая, солдатская звѣзда! всю бы землю съѣлъ, которая покрываетъ Суворова, лишь бы ожилъ и вспорхнулъ орелъ нашъ поднебесный!«

грамматическія ошибки пускать брандскугели въ типографію Николая Ивановича Греча.

ПИСЬМО I.

Къ отставному солдату Кремневу, отъ служащаго рядоваго Ручкина.

Ты просишь, любезный товарищъ, чтобъ я почаще увѣдомлялъ о себѣ, о сослуживцахъ нашихъ и о полковыхъ новостяхъ? Хотя, при трудной нынѣ службѣ, у меня времени очень мало, къ тому же, какъ ты знаешь, грамотѣй я плохой; но какъ наставнику, учителю и другу отказать? Крещусь и начинаю: придетъ-те по нутру? — скажешь спасибо; а не полюбится? — не осудишь и бранить не станешь. Кто учился грамотѣ менѣе, нежели, какъ говорится, за мѣдныя деньги, для

того слишкомъ довольно, если онъ, чѣмъ богатъ, тѣмъ и радъ!

Разставшись съ тобою, не одинъ я по тебѣ вздыхалъ, и вся рота горевала: грустно отвыкать и быть розно съ дядькою, старымъ храбрымъ солдатомъ, въ такое славное время! Кости твои, я чай, и отъ дороги еще не успокоились, а у насъ и пошла потѣха, да какая? что небу жарко! Куда годится вся твоя 25-лѣтняя служба и шесть ранъ? — Тебя свинцомъ подчивали въ чужихъ земляхъ, а тутъ дѣло завязалось за нашу святую Русь!

Къ намъ пожаловалъ чернокнижникъ Бунапартъ и привелъ съ собою незваныхъ гостей изъ двадцати заморскихъ Царствъ. Сила несмѣтная! видимая и невидимая! плюнуть нѣкуды — коли штыкомъ мѣстечка не очистишь! Встрѣтя на границѣ, поздоровавшись

въ Витебскѣ и еще кой-гдѣ слегка, всю эту проклятую сволочь обѣ наши арміи, чуть не на плечахъ потащили за собой къ Смоленску; зададимъ-де этимъ нехристямъ карачунъ на своихъ родимыхъ поляхъ! — Да не тутъ-то было: сила и солому ломитъ! Стыдно, братъ Данилычъ, сказать, а грѣхъ потаить: положили мы враговъ, что и самъ каптенармусъ не сочтетъ, но Смоленска не отстояли, и отступили къ Бородину, а тутъ, какъ сонъ въ руку, пріѣхалъ надъ всѣми войсками новый Главнокомандующій, которому бусурманы давно уже перестали стрѣлять въ грудь, полагая, что она у него каменная, начали мѣтить въ черепъ; да много и взяли! У молодца пуля прошла чрезъ всю голову: одинъ глазъ чуть усидѣлъ, другой вылетѣлъ, какъ воробей изъ гнѣзда! А онъ крякнулъ,

да и не поморщился! Угадалъ, чай? какъ не узнать Кутузова! ужъ подлинно Русская, богатырская головушка, дай Богъ доброе здоровье!

Теперь, братъ Кремневъ, сталъ я въ пень, и не придумаю, какъ бы тебѣ расказать Бородинское сраженіе? — Сравнять право не съ чѣмъ: что наши Стары-лицы и рѣка Спаржа (*)? Все это въ подмётки не годится: мы бывало хвастали, что въ Швецію перешли чрезъ море по льду — большая диковина, если Русской солдатъ сдѣлаетъ то же, что сдѣлаетъ и всякая ворона! Нѣтъ, братъ! милости просимъ сюда съ колдуномъ-то поразвѣдаться! Этотъ грѣховодникъ такія штуки выкидываетъ, что по неволѣ умъ за разумъ зайдетъ! Не

(*) *Аустерлицы* и рѣка *Пассаржа*.

успѣешь одному Французу брюхо распороть, а двое предъ тобою, какъ будто изъ земли выскочили! Но великое, братъ, дѣло Крестъ Спасителя и святая отъ нечистыхъ силъ молитва! Какъ призовешь Господа въ помощь, какъ молвишь: «да воскреснетъ Богъ и расточатся врази Его!» да какъ дернешь: *впередъ!* такъ-что твоя и дьявольщина! Вся штука въ томъ, чтобы не оборачиваться къ непріятелю спиною. Боже сохрани! убьютъ — какъ пить дадутъ! а признаться, Данилычъ, въ спинѣ у Русскихъ сила что-то очень плоха; ужъ это мы и сами видимъ! Нашъ Полковникъ славно толкуетъ; онъ именно говоритъ, что при крещеніи рѣдкій Священникъ захочетъ коверкать младенца и мазать у него спинку святымъ елеемъ, а отъ тогодискать, задняя часть тѣла почти у

всѣхъ у насъ, отъ дьявольскаго наважденія беззащитна! Оно и правда: какъ начнешь дружно впередъ и назадъ двигаться одной только грудью къ бусурманамъ, такъ и пойдетъ дѣло на славу! Съ утра и до глубокой ночи работали мы безъ отдыха, и не сдѣлали назадъ шагу! Вдоволь было и горя и радости! — не разъ сердце кровью обливалось, глядя на нашихъ храбрыхъ командировъ: какъ снопики падали голубчики, а все впереди! Досталось всѣмъ сестрамъ по серьгамъ. — Пришло, братъ, время, что и Князья и Графы, и великіе Генералы и простые солдаты одну думу думаютъ и за одно дѣло умираютъ. Теперь скажи, не жалѣешь ли ты, что не вмѣстѣ съ нами? не видишь ли, что отставкою на тебя Богъ гнѣвъ послалъ? или ты больше не Русскій солдатъ? или не тотъ

Кремневъ, который на славную смерть въ бою смотрѣлъ, какъ на свѣтлый праздникъ, да и насъ училъ тому же! — Нѣтъ, братъ!... не вѣрю, не та въ насъ кровь кипитъ! Ты помнишь письменный приказъ Полковника; я наизусть знаю: «Защитникъ Святой Вѣры, трона и драгоцѣннѣйшаго отечества, въ утробѣ матери еще, по власти Провидѣнія, получаетъ сіе знаменитое и вмѣстѣ лестное назначеніе: онъ родится съ тѣмъ, чтобъ отразить врага, на святыню нашу посягающаго, или... умереть, и отставной добрый, честный солдатъ, по гласу отца-Царя и матери Россіи, положа въ сарай соху и косу, мгновенно долженъ явиться къ общему дѣлу, и раздѣля горе, раздѣлить и радость, которая всегда бываетъ неизбѣжнымъ слѣдствіемъ от-

личной службы, усердія и трудовъ благороднаго, блистательнаго воинства.

«*Блаженни людіе, вѣдающіе восклицаніе! Господи, во свѣтѣ лица Твоего пойдутъ и о имени Твоемъ возрадуются и правдою Твоею вознесутся.*»

Вотъ, братъ, какъ онъ расказываетъ! а ему нельзя не вѣрить! Правду говоритъ баталіонный нашъ писарь (помнишь, что изъ подьячихъ опредѣлился), что всякое наставленіе Полковника повѣрено, на справку взнесено, и скрѣплено словомъ и дѣломъ.

ПИСЬМО II.

Въ началѣ сраженія, Полковника ранили въ бокъ на вылетъ; человѣка четыре (не изъ пущихъ) подбѣжали было вести его на перевязку: «Впередъ!» закричалъ нашъ батюшка. «Мерзавецъ, кто будетъ глядѣть на мои раны; смотри на непріятеля и не дѣлай промаху!» — Не прошло минуты — дошло до ручной, и Боже упаси, что тутъ было! Громъ, стукъ и трескотня. Ну сущій адъ кромѣшный! насъ попятили назадъ и попятили порядкомъ; да и заговорило же сердечушко, закипѣла Русская кровь! Полковникъ тотчасъ остерегъ: «береги... товарищи, спину,» самъ въ ту жъ минуту, не смотря на рану, схвативъ ружье, юркнулъ прямо

къ непріятелямъ, и всѣ офицеры сдѣлали то же. «Впередъ, ребята, не робѣй!» скомандовалъ фельдфебель 1-й гренадерской роты; «грѣшно и стыдно, если начальники умрутъ прежде насъ!»—«Молода, въ Саксонѣ не была!» гаркнулъ Плечиковъ: помнишь? нашъ ротный балагуръ, ну ужъ балагуръ, да что за сила? И намъ грѣшнымъ эти сухопарые Французики не очень казались тяжелы, а у него они на штыкѣ такъ и пляшутъ въ присядку. Тотчасъ мы опередили офицеровъ, и отъ живыхъ совершенно очистили передъ собою поле; но изъ мертвыхъ можно бы сдѣлать костра три, саженей въ пять каждый; однако жъ и мы не уцѣлѣли! жаль до смерти — славныхъ ребятъ потеряли, и какъ изъ офицеровъ, такъ и изъ насъ осталось не много поболѣе половины. Убитъ, братъ, и тотъ Пра-

порщикъ, что при тебѣ еще прибылъ изъ Риги, и по-Русски не зналъ ни полсловечка; мы, бывало, тишкомъ посмѣивались надъ нимъ, а тутъ пришлось и вздохнуть: откуда рысь взялась! — такой былъ разудалой, дай Богъ царство небесное, что ни въ сказкѣ сказать, ни перомъ написать! — Нашему капральному Свистунову оторвало руку; вотъ, братъ, тоже дѣтина изъ молодыхъ, да ранній! Навѣсилъ на себя всю аммуницію, не оставилъ патрона, да и пошелъ назадъ съ обѣими руками: оторванную-то понесъ въ здоровой. «На что вамъ, Парамонъ Антоновичъ, эта рука?» спросилъ я его.— «Вѣдь не бусурманамъ же ее оставить,» отвѣчалъ онъ: «покажу лекарю: коли не годится, окурю ладанцомъ, зарою съ молитвою, да и ключъ ко дну.» Посреди самаго развала какъ отнимая другъ у друга

баштареи, дошло у насъ не только до штыковъ, но и до святыхъ волосовъ, вдругъ въ рядахъ всей арміи пронеслось «ура! орелъ надъ нами (въ знакъ вѣрной побѣды), ура! Короля взяли: побѣда наша!»—Вѣсть эта насъ поокуражила, и мы, съ примѣра главныхъ начальниковъ, которые, правду матку сказать, жизни не берегли, да тамъ только и были, гдѣ болѣе видѣли опасности, съ помощію молодецкой нашей гвардіи, не уступившей въ этотъ день въ работѣ и самому храбрѣйшему армейскому полку, такую задали бусурманамъ передрягу, что они и своихъ не узнали. «Ай же да Измайловцы! ай да Литовцы!» говорилъ Полковникъ: «честь и слава вамъ, разудалымъ добрымъ молодцамъ! знатный-де урокъ дали они кавалерійской спеси!» — Послѣ сказывали намъ, что Королемъ назвался простой Генералъ,

который, выпуча глаза, словно бѣлены объѣвшись, лѣзъ на нашу батарею вмѣстѣ съ солдатами, да какъ попалъ на Русской штыкъ, такъ и пожаловалъ себя въ Короли! Видно зналъ, чортова кукла, что Русской солдатъ скорѣе самъ умретъ, чѣмъ подниметъ руку на державнаго, хотя бы онъ былъ изъ-за тридевяти земель!

Съ первымъ пѣтухомъ все стихло, темнѣть кромѣшная, свѣту Божьяго не видно, хоть въ глазъ уколи! Наши и чужіе покойники молчатъ, раненыхъ ощупью сбираютъ и везутъ назадъ, а мы, помолясь Господу Богу, присѣвъ на коршышки, позакусили и горло промочили. Скажу, братъ, не въ похвальбу, что полкъ нашъ не уступилъ земли ни одного аршина: гдѣ начали, тутъ и кончили! Да что, Данилычъ, сказать правду-матку: тотъ всегда поколо-

шитъ, кто стоитъ грудью; на спину плохая надежда, — что ни говори, а Полковникъ правъ.

ПИСЬМО III.

Если бъ начальники и не увѣряли, что побѣда наша, такъ на то у насъ были глаза, чтобъ видѣть подлѣ каждаго одного Русскаго покойника двухъ убитыхъ бусурмановъ; все Бородинское поле такъ устлано, что посмотрѣть ужасть! море моремъ; вершка земли не осталось, чтобъ не лежалъ человѣкъ, аммуниція, или чтобъ не было запекшейся крови. Жаль, братъ, что эти Французы нехристи и что они у чернокнижника въ лапахъ; а народъ, сказать правду, храбрый; какъ комары, такъ въ глаза и лѣзутъ; въ плечахъ-то полно не очень они широки, натура тоже заморская, а то не много бъ мы у нихъ взяли; въ колоннѣ злодѣи

идутъ на наши батареи подъ барабанъ, да еще и равняются! одинъ лишь упалъ, другой примкнулъ и какъ ни въ чемъ не бывалъ. Нашъ Полковникъ ясно говоритъ: что трусъ не можетъ быть честнымъ человѣкомъ; бываютъ-де и храбрые шалуны, но ужъ не мерзавцы! — Вытерши ружья, перемѣня кремни, поправя штыки и запасшись патронами, ожидали мы новой потасовки, — инъ-лихъ не такъ. «Становись!» сказалъ Капитанъ, вступившій въ командованіе полкомъ, (за раною Полковника, который однако жъ въ Москву не уѣхалъ, и за смертью всѣхъ другихъ Штабъ-офицеровъ) «по отдѣленіямъ на право маршъ!» Ты, чай, думаешь впередъ? По нашему такъ бы и надо, но въ головѣ старика Кутузова было другое: мы пошли къ Москвѣ, а Бонапартъ вмѣстѣ съ нами съ похмѣлья потянул-

ся, говорятъ, къ Смоленску. Экъ его ошунуло! насилу-де узналъ, колякали офицеры, какъ вкусны Вяземскіе наши пряники и Можайскія поросята!

«Вотъ досадное проклятое чертовское слово: рѣдька-рада (*)» сказалъ Капитанъ—«самъ сатана вздумалъ и втюхтерилъ его въ нашъ военный легкійсонъ (**). *Впередъ!* или . . . въ могилу! да и кончено, къ чему тутъ финтить, коли дѣло идетъ за Вѣру, Царя и Отечество?»—«Да дѣлать ужъ нѣчего,» примолвилъ Поручикъ: «рѣдька-рада все таки къ чему нибудь годится; но гнуснѣе, вреднѣе для нравственности и противнѣе для слуха ничего придумать невозможно: міродёра (***), (т. е. подлецъ, бѣглецъ): это чадо злобнаго ада,

(*) Ретирада.
(**) Лексиконъ.
(***) Мародеръ.

и хотя рождено еще недавно, но ростетъ и зрѣетъ, какъ пшеничное тѣсто на опарѣ киснетъ.» — Вслушавшись въ рѣчь эту, у меня морозъ пробѣжалъ по кожѣ. — «Эки люди есть на свѣтѣ!» подумалъ я: «отступиться отъ святой Вѣры и Божьяго храма, измѣнить присягѣ, забыть, что смерть не за горами, и что въ будущей жизни отъ престола Господня за безбожный поступокъ міродёру придется маршировать на вѣчную муку, въ бездонную бездну, а на семъ свѣтѣ слышать на себя проклятіе, видѣть презрѣніе, быть вѣчно въ безчестныхъ людяхъ и лишиться способу когда либо воротиться на свою сторону, въ родную семью! Видно, сроду злодѣи не слыхали, что въ святой книгѣ сказано: «*Аще оставятъ сынове законъ мой и въ судьбахъ моихъ не пойдутъ, аще*

оправданія моя осквернятъ и заповѣдей моихъ не сохранятъ? посѣщу жезломъ беззаконія ихъ и ранами неправды ихъ.» Спасибо, братъ Данилычъ, я вѣкъ не забуду твоего наставленія, и лучше умру сто разъ, нежели сдѣлаю назадъ одинъ только шагъ. И подлинно, кому изъ порядочныхъ людей придетъ охота быть (прости Господи) хуже дьявола, чѣмъ по справедливости почесть должно міродёра. При тебѣ еще ихъ не было, и потому я въ слѣдующемъ письмѣ растолкую.

*

ПИСЬМО IV.

Встарину, всѣхъ негодяевъ, изъ сраженія удалившихся, обыкновенно, какъ ты знаешь, называли просто трусами, подлецами, и били ихъ, злодѣевъ, не на животъ, а на смерть, изъ чего и выходило, что одинъ не смѣлъ навострить лыжи изъ страха къ наказанію, а другой боялся прослыть подлецомъ, трусомъ; вѣдь и на этихъ конькахъ не далеко уѣдешь! Ты помнишь, на зимнихъ квартирахъ въ Курской Губерніи, какъ бывало, въ хороводахъ бабы и дѣвки честили Петруньку Мухоярова, услыша, что мы величали его трусомъ за то, что неохочь былъ порохъ нюхать, а изъ сраженія

подъ Герберхомъ (*) далъ стрѣчка. Теперь, вмѣсто подлеца и труса, стали называть ихъ міродёрами, (съ чѣмъ вмѣстѣ и гроза примѣтно осовѣла); солдаты вѣдаютъ, что не хвалятъ, а бранятъ этимъ словомъ, но тѣ, которыхъ удерживалъ стыдъ и срамъ, будто не понимая, о чемъ рѣчь идетъ, стыдиться перестали. Да гдѣ же, правду сказать, кто видывалъ, чтобъ и взаправскіе-то міродёры стыдились? Они еще и чванятся, какъ надерутъ да навалятъ закромъ, другой добреца, изъ мірскихъ шкуръ и крови, какъ концы съ концами сойдутся и какъ бѣда ужъ съ рукъ сойдетъ!

Начальники дѣльно говорятъ: *стой*, ребята за святую Вѣру! Да вѣдь въ семьѣ не безъ урода. Богъ знаетъ, что у кого на душѣ: иной, кажись, молится

(*) Гейльсбергомъ.

усердно, подъ часъ готовъ и лобъ разбить, а поглядишь? добрые люди въ дѣло — а онъ въ трущобу; а иной по языку-то словно святой, а по штыку-то, окаянный, такъ подгулялъ, что ни въ колье, ни въ мялье не годится; такъ дубинку-то голубушку и по неволѣ вспомнишь. Не даромъ говорится: коли солдатъ палки не боится, ни въ строй, ни къ смотру не годится; хорошихъ солдатъ, небось, бить не станутъ; ихъ берегутъ, они вишь дороги и Царю и Царству. Куда какъ разсудителенъ на это нашъ Полковникъ! Пошли ему Богъ доброе здоровье. У него не дремли! Правда, онъ разжуетъ, да и въ ротъ положитъ, а тамъ ужъ не пеняй: сама себя раба бьешъ, коль не чисто жнешъ; да за то, братъ, въ нашемъ полку, благодаря Бога, ни старыхъ трусовъ, ни новыхъ

міродёровъ не слышно и не видно. «*Настави мя, Господи на путь Твой и пойду во истинѣ Твоей, да возвеселится сердце мое боятися имени Твоего.*»

Въ рѣдька-радѣ узнали мы, что неустрашимый нашъ Багратіонъ, славный Тучковъ съ братомъ, храбрый Кутайсовъ и до тридцати другихъ прочихъ Генераловъ, положили животъ свой за храмъ Пресвятыя Богородицы, за Царя и Отечество, болѣе тысячи убито, слышь, однихъ только Штабъ и Оберъ-офицеровъ, а объ нашемъ братѣ и разговаривать нѣчего! Дорого заплатили, да безсмертную славу купили! Вотъ какъ толкуютъ наши командиры; а все таки горько со славою-то итти къ бѣлокаменной Москвѣ! Чай, побѣдѣ нашей тамъ и не повѣрятъ! Полно — есть свидѣтели;

наканунѣ сраженія пришло къ намъ Московское ополченіе; не успѣли поздороваться, а ихъ и на шпанталѣю! Ты, чай, улыбнулся: вотъ-де воины, поди и фузеи зарядить не сумѣли! Нѣтъ, братъ — не такъ! Народъ все разудалой, полированный и кровь прямо Русская; артикуломъ занимались мало, а ружьемъ владѣть мастера; нужда заставитъ калачъ ѣсть: добрая воля, военный духъ, усердіе къ батюшкѣ Царю, да любовь къ родимой сторонушкѣ (какъ говоритъ нашъ Полковникъ) всему научатъ; къ тому же командиры у нихъ все изъ отставныхъ, съ порохомъ давно знакомы, и хоть тѣломъ стары, да душою-то молоды; говорятъ словно пишутъ, слушать любо; да что толковать, и изъ нихъ не много осталось, такъ видно не издали смотрѣли, но вмѣстѣ съ нами

щупали Французскую-то натуру; а вонъ какъ пораскажутъ про Питерское ополченіе, такъ и старыхъ солдатъ за поясъ заткнутъ, настоящіе звѣри! Наконецъ, скажу тебѣ однимъ словомъ: что у насъ подъ Бородинымъ такая была потѣха, что у самого чорта, чай, тряслась борода; лѣсъ пѣлъ и вода говорила!

ПИСЬМО V.

Не прогнѣвайся, братъ Данилычъ! что не пишу о начальникахъ и о товарищахъ поименно; кромѣ того, что время не позволяетъ, боюсь, чтобъ похваля хорошаго одного, не забыть лучшаго другаго; а какъ письмо-то попадетъ въ руки кому нибудь изъ послѣднихъ, такъ мнѣ и неловко; дурное слово грѣхъ сказать: были такіе, что впередъ не забѣгали, но не было такихъ, чтобъ позади оставались: ужъ не даромъ, братъ, и наши и непріятельскія пушки изъ рукъ въ руки перелетали, какъ на Святую недѣлю красныя яйца, только поцѣлуи-то были кислы... Вѣдь у господъ чутье хорошее, да и воля-та есть; какъ за-

слышала сѣрка волка, такъ и дала тягу; кто, знать, на себя не понадѣялся, тотъ по добру, да по здорову заблаговременно до войны убрался во-свояси; да и тамъ, чай, въ кичку нарядился! и вѣдомо: ужъ лучше оборотиться въ бабу, да воевать на посидѣлкахъ, чѣмъ отъ страха самому изнывать и другихъ баламутить. Ты, чай, не забылъ офицера Сундукова, что прибылъ къ намъ въ Пруссію въ Браташтанной (*), когда мы приходили въ главную квартиру въ караулъ изъ Лагунова (**); пріѣхалъ пострѣлъ въ коляскѣ съ лакеями, съ поварами, — словно столбовой! а родимой-то его не изъ нущихъ, какъ говоритъ землякъ, да еще и сродни вишь ему нашъ цирюльникъ,

---

(*) Бартштейнъ.

(**) Лаунау.

Перепекинъ; сперва-де былъ цѣловальникомъ, потомъ, по милости полугарнаго винца съ цѣльной водицей, шагнулъ въ повѣренные; потомъ, уволя совѣсть въ безсрочный отпускъ, попалъ въ откупщики, а теперь-де посчастливилось ему свести счеты съ чужими и родными по откупамъ товарищами, такъ, что тѣ пошли по крещеному міру съ котомками, а онъ втискался въ бары! Экой соколъ! Русской грамотѣ чуть зналъ, а сынка и говорить по-Русски не училъ! Вѣдь словечка Христіанскаго мы отъ него не слыхали, а по-заморски бормотать былъ охочь; часто и при солдатахъ, какъ будто нарочно, такъ и горланитъ не даровое! Послушаешь, послушаешь, бывало, отворотишься, да и плюнешь; а какъ закалякали про войну, какъ стало приходить къ сердцу, выскочилъ

проклятый въ отставку, да и удралъ къ отцу! Теперь, чай, этотъ храбрецъ и въ поневу нарядился!

Не знаю, какъ ты, Данилычъ, а я иное мѣсто больно посержусь на экихъ чудаковъ, а подъ часъ и пожалѣю! Вѣдь они не виноваты, что Богъ не далъ имъ ума, да и на косточкахъ они видно не учились; пуля-то много, много, что съ воробьиное яичко, самая большая девять золотниковъ, а имъ вишь она гора горою кажется! Безмозглыя головы! что и говорить!

«Кто знаетъ, уѣхалъ ли Сундуковъ?» спросилъ Полковникъ при разводѣ. Сейчасъ только отбылъ, доложили ему. «Вотъ потримотъ (*)! чтобъ ему ни дна, ни покрышки: съ того времени, какъ война не есть уже секретъ, я

(*) Патріотъ.

получилъ двѣнадцать человѣкъ благороднѣйшихъ товарищей изъ отставки, а одного негодяя отпустилъ домой. Слава Богу, что честь и польза очевидно на сторонѣ службы; впрочемъ, это также не секретъ, что изъ такихъ вонючихъ матеріяловъ, изъ какихъ составленъ Сундуковъ, ничего рѣшительно хорошаго ожидать нельзя!»

Помолись за насъ грѣшныхъ: идемъ къ Москвѣ, а непріятель по пятамъ; пальба денно и ночно гудитъ; задніе сторожевые полки, конные и пѣшіе, дерутся за каждую борозду; въ этихъ полкахъ два Полковника безпардонные, какъ говорятъ казаки, Потемкинъ, да Карпенковъ болѣ всѣхъ отличаются; заманятъ бусурмановъ въ силки, да и дадутъ карачунъ! А мы двигаемся, не торопимся, и сбираемся съ силами. Что-то Богъ дастъ? а Москва не да-

леко! Заваримъ, чай, кашу, что и въ ротъ не полѣзетъ! Прощай! точимъ штыки, въ Бородинѣ приступившіеся. — «*Заступникъ мой еси и прибѣжище мое Богъ мой, и уповаю на Него.*»

ПИСЬМО VI.

Къ слезамъ, любезный товарищъ! плачь, Кремневъ, если можешь! А у меня и на глазахъ и подъ глазами совершенная засуха; я выплакалъ всѣ мои слезы и хотѣлъ бы выплакать всю кровь до послѣдней капли, если злобный рокъ не судилъ пролить за святое дѣло! Боже милосердый! до какого сраму, до какого безчестія велѣлъ Ты намъ дослужиться? На храбрость и вѣрность нашу начальники не роптали: грудь наша тверда еще, какъ камень; въ рукахъ сила есть, на могучихъ плечахъ несемъ голову не простреленную, и кровь кипѣть еще не престала, а Москва, престольный градъ, гдѣ сорокъ сороковъ Божіихъ

храмовъ, и гдѣ, въ смиренныхъ монастыряхъ, опочиваютъ мощи Святыхъ Угодниковъ, Москва, мать (какъ называютъ офицеры) всѣхъ городовъ Русскихъ, отдается во власть врага, нехриста, чернокнижника! Тошно, братъ Данилычъ! грустно; свѣтъ бѣлый опостылѣлъ и жизнь тяжка, самъ себя ненавижу и часто самъ себя и товарищей спрашиваю · неужели мы все еще Русскіе? Исповѣдуюсь тебѣ: сблудилъ окаянный, принялъ на душу тяжкій грѣхъ; не разъ просилъ у Бога скорой смерти; съ нами сила крестная! Вотъ чудо, которому и во снѣ бы не повѣрилъ, а оно въ очахъ совершилось.

Наканунѣ еще сего горегорькаго дня (2 Сентября 1812 года, — нарочно узналъ годъ, мѣсяцъ и число), всѣ главные начальники взадъ и впередъ такъ и снуютъ основу, солдаты наряжены,

(теперь ужъ видно, что для близиру) (*) дѣлать баттареи; бывало всѣ большіе и малые командиры осматриваютъ, размѣряютъ, хлопочутъ, а тутъ и взглянуть никто не хочетъ! Ну вѣдь всѣ ужъ Генералы примелькались! Въ каждый день видишь ихъ, и не по одному разу; теперь гляжу: у кого было круглое лице, вытянулось на аршинъ; у кого длинное, сжалось въ комокъ. Ужъ видно сокола по полёту: за кѣмъ грѣхи есть, кто душонкою то слабенекъ, и кто во время драки, забившись въ безопасное мѣстечко принѣжности душевной (и, знашь, отъ скуки), ловитъ и душитъ бѣдныхъ мухъ, такихъ мы — вѣдаемъ на перечетъ; а эти люди, какъ извѣстно, не трусливые, отъ чего же ихъ такъ пере-

(*) Слово, солдатами употребляемое.

коверкало? думалъ я: по этому на душѣ у меня больно залегло; всѣ товарищи тоже примѣтили и также призадумались; тяжкое, невѣдомое горе разлилось повсюду, и на бивакахъ такая сдѣлалась тишь, что шаги муравья слышны; у каждаго сердце чуяло что-то не доброе, но какъ можно было догадаться, что въ какомъ-то военномъ, видишь, Совѣтѣ положено сдать родимую Москву безъ драки и выстрѣла! Теперь всѣ утѣшаютъ себя и толкуютъ, какъ въ набатъ бьютъ: что Москва гробъ бусурманамъ! Пусть оно и такъ; да передъ Москвой-то должна быть наша могила; вотъ-те и все тутъ! Ты помнишь, въ Пруссіи, иль въ Чухляндіи (*), бывало и чужую деревню отдаешь, такъ отъ стыда

(*) Въ Финляндіи.

не знаешь, куда дѣться, а теперь — впустили злодѣя въ Москву! Охъ! братъ, товарищъ! Не разъ я о тебѣ вспомнилъ; ты, бывало, часто намъ говаривалъ: что солдатская жизнь красна честью и славою; теперь и самъ я вижу, что безъ чести и безъ славы солдатъ хуже бабы! Прощай! не могу болѣе писать; для руки моей и перо тяжело!

ПИСЬМО VII.

Виноватъ, Данилычъ, я было слишкомъ уже разгрустился и осовѣлъ! — Но пріосамился, вспомня, какъ покойница мать моя, которая, какъ тебѣ извѣстно, знала церковную грамоту и читала Псалтырь наизустъ, отдавая меня въ службу, приказывала:

«Исполняй, Иванушка,» говорила она; «свято Христову Вѣру; не измѣни не только присягѣ, но и честному слову; люби всѣмъ сердцемъ и всею душею Бога и Помазанника Его, Государя; думай объ Отечествѣ болѣе, нежели о своихъ собственныхъ выгодахъ; за честь и правду умри! — будетъ тебѣ хорошо, не чванься — да не слишкомъ и радуйся! будетъ дурно, тер-

ни и не ропщи! — Радость съ горестію всегда рядомъ ѣздятъ, а часто и на одной телѣгѣ. Не забудь, что человѣкъ въ несчастьѣ только и великъ! а при счастьѣ, соловьемъ поётъ и куликъ! — Не соблазняйся и не зарься, видя, что у кого есть кошель серебромъ набитый, тому отвѣшиваютъ поклоны и стриженый и бритый; богатъ тотъ, кто милость къ нему Господа Бога безъ хвастовства, скромно и благоразумно раздѣляетъ со страждущимъ, бѣднымъ, несчастнымъ человѣкомъ и умѣетъ во время утереть слезы безпомощнымъ сиротамъ. Смотри на солнце! — видишь? оно и само блеститъ и насъ грѣетъ! — Знай же впередъ: что если богачъ для того только живетъ на бѣломъ свѣтѣ, чтобъ пѣтушиться и хорохориться, а другаго проку отъ него нѣтъ, такъ

онъ ни святому свѣча, ни чорту кочерга. Чему же завидовать? всѣ мы подъ Богомъ! — Что на небѣ написано, то съ нами и станется! какъ ни вертись, какъ ни виляй, куда ни кидайся, а изъ Божіей книги той строчки, въ которой опредѣлена участь твоя, не вычеркнешь! Нагрѣшить можешь, а добра не сдѣлаешь; старайся быть полезнымъ, не завидуй счастію товарищей; безъ толку къ дѣлу не суйся; къ чему не способенъ, за то не берись; чужими руками жаръ не загребай, и мишуру за золото не выдавай! На моемъ вѣку много было (и на твоемъ, чай, будетъ), что безграмотныя копѣечныя головы и головорѣзы міроѣды втирались въ земскіе; — они козыремъ ходили, а міръ слёзы лилъ! Но какъ Исправникъ ихъ пораскусилъ — такъ тутъ имъ поганцамъ пришлось

тошнѣе перечосу. Гласъ Бога гласъ народа! дурную славу зажить, какъ пить попросить; въ хорошіе люди попасть — не скирёдку скласть; много знать полезно, и говорить не бѣда, лишь бы по резону; но слово не воробей! что глупо и вредно сболтаешь — не поймаешь! а всякой въ избѣ вздоръ слушаетъ весь дворъ. Помни, что земной бытъ не конецъ житью; вся важность въ будущемъ мірѣ. Дѣлай запасъ для Суда Страшнаго: въ небесахъ прямое наше счастіе. Бога обмануть нельзя, Иванушка! Онъ все видитъ, все слышитъ. Если пойдешь прямымъ, добродѣтельнымъ путемъ, можешь встрѣтить горе, за то страху знать не будешь; а какъ я обрекла тебя въ солдаты, то быть можетъ, что голубчику сынку моему придется показать себя и въ баталіяхъ. Въ огонь

иди смѣло, жизни не береги, это Божье, а не твое дѣло! Спасай другихъ — коли придется кстати, но не спасайся самъ иначе, какъ штыкомъ и грудью — сохрани, Господи! лихо прослыть трусомъ, а тамъ ввѣкъ свой не отслывешься! Взглянь-ка на Желтоухова: и въ отставкѣ негодному мѣста нѣтъ. Срамъ слушать, какъ его костятъ и старый и малый! А Релинъ? человѣкъ кажись умный, но проштыкнулся, сбердилъ и на пиры, сердечный, не ходитъ, затѣмъ, что ужъ Богъ знаетъ съ коихъ поръ, простую брагу ему рядомъ съ другими подаютъ, а сыченою обносятъ; вчужѣ за бѣднягу сердце замираетъ. Слушайся начальниковъ слѣпо; иди и въ воду, коли велятъ; чему быть, того не миновать! Предѣлъ положилъ еси, его же не прейдеши; если утонуть тебѣ назначено — утонешь

и въ лужѣ. Чаще читай десять заповѣдей; десница Бога ихъ написала. Многіе изъ людей пишутъ складнѣе, но никто еще не выдумалъ справедливѣе и умнѣе! Почитай старшихъ, будь вѣжливъ съ младшими, на вздоръ не накупайся, въ ссоры не заѣдайся; гдѣ міръ да ладъ, тамъ вѣчно Божья благодать; съ обидой ближнему не шуши; не плюй въ колодезь, неровно годится водицы испить.

«Не забудешь ты моего наставленія, будешь милымъ другомъ моимъ и будетъ съ тобою мое родительское благословеніе; а не исполнишь моего приказу — прокляну! — Не буду знать, и имени твоего не захочу слышать! Милость же Господня отъ вѣка и до вѣка на боящихся Его, и правда Его на сынѣхъ сыновъ, хранящихъ завѣтъ его и помнящихъ заповѣди Его!»

Съ симъ послѣднимъ словомъ, возложила на меня родная образъ Св. Іоанна Предтечи, влѣпила мнѣ шесть горячихъ материнскихъ поцѣлуевъ, вручила шестьдесятъ копѣекъ наличныхъ денегъ, и я, отвѣся кормилицѣ земной поклонъ, свиснулъ, да и былъ таковъ!

Прочтя всѣ эти слова, крѣпко на крѣпко въ сердце мое вписанныя, и убоясь проклятія, вмѣсто того, чтобъ рюмить по прежнему, запѣлъ я съ горя пѣсню: «Эхъ! не все-то намъ приплакать, не все намъ притужить!» И подлинно: жаль, что и говорить, Москвы, но вѣдь вожатаго-то нашего для чего нибудь Богъ спасъ. Вѣдь эки дѣла даромъ не дѣлаются! пролетѣла пуля изъ виска въ високъ, а онъ... какъ встрепаной, Христосъ съ нимъ! Потерять Москву и всю Россію нашлись бы люди и безъ него! на эко

дѣло и меня бы хватило; но не этимъ, кажись (калякаютъ умные люди), должно вознаградиться богатырское терпѣніе и великодушныя жертвы нашего батюшки Царя, да пусть думаютъ и говорятъ, кто какъ хочетъ, а въ Священномъ Писаніи именно сказано: *Вознесохъ избраннаго отъ людей моихъ, елеемъ святымъ моимъ помазахъ его, и мышца моя укрѣпитъ его! Ни что же успѣетъ врагъ на него и сынъ беззаконія не приложитъ озлобити его, и сѣку отъ лица его враги его, и ненавидящіе его побѣжду, истина моя, и милость моя съ нимъ.»* Ну теперь ломай, пожалуй, голову; кому придетъ охота надувать мыльные пузыри!

ПИСЬМО VIII.

Не буду расказывать тебѣ, какъ разставались мы съ матушкой бѣлокаменной Москвой; проходя родимую, не чувствовалъ я себя, не видалъ Божьяго свѣта, и не прежде опомнился, какъ услышалъ команду: «стой! на лѣво кругомъ, кивера долой, на колѣни!» Полковникъ на дрожкахъ, всегда за нами слѣдующій, былъ въ это время посреди полка, и началась молитва:

«*Господи Боже Силъ! кто подобенъ Тебѣ! Силенъ еси, Господи, и истина Твоя окрестъ Тебя.* Узри, Господи! праведнымъ горемъ пораженныя сердца наши. Услыши усердную, слезную молитву недостойныхъ рабовъ Твоихъ, съ Христіанскою покорностію

крестъ пріемлющихъ, и лучше прекрати жизнь, какъ щедрый даръ неизреченнаго милосердія Твоего, но сохрани святую Вѣру нашу, Царя и Отечество; *яви намъ, Господи, милость Твою и спасеніе Твое даждь намъ.*»

Не было ни одного солдата, который бы не рыдалъ, даже и Бахтіаровъ съ Сулеймановымъ (*) обливались слезами. Полковникъ, оборотясь къ намъ, продолжалъ:

«Товарищи! это небо и эта земля болѣе не наши; и доколѣ въ святыхъ (указывая на Москву) потерянныхъ нами храмахъ, служители Вѣры не запоютъ: Тебе Бога хвалимъ! мы, какъ блуждающія тѣни, будемъ толпою осиротѣвшихъ изгнанниковъ. Но тѣмъ менѣе мы должны унывать и тѣмъ бо-

---

(*) Магометане.

лѣе священная обязанность наша не думать о жизни, бодрствовать и трудиться, зная, что вся надежда Государя Императора, а вмѣстѣ и страждущихъ соотчичей нашихъ, обращена, послѣ Бога, на насъ единственно; теперь настали минуты, въ которыя вы имѣете случай разительно доказать мнѣ, что отеческое объ васъ попеченіе и недремлемыя, спасительныя назиданія мои за нравственностію, поступками и поведеніемъ вашимъ, произвели полезные службѣ плоды; важнѣе всего помните, что рано или поздно, а умереть все таки надобно, но что за падшаго въ бою при защитѣ святой Вѣры Царя Царей, Всемогущаго Бога, изъ вѣка въ вѣкъ молитъ святая Церковь, а пріятнѣе и драгоцѣннѣе сей награды прямой человѣкъ, истинный Христіанинъ подъ луною —

не сыщешъ и искать не будешъ. Меня же въ дополненіе льстишъ и то еще, что вы оправдаете знаменитое званіе Русскаго солдата, и что слава нашего полка промчится отъ Нѣмана до Камчатки!»

—«Вы всегда были отцемъ нашимъ,» закричали мы въ одинъ голосъ: «и какъ отца роднаго мы любимъ васъ: прикажите! мы сей часъ на смерть готовы.»—«Спасибо, друзья мои,» сказалъ сквозь слезы Полковникъ,—«за благородныя чувствованія ваши; побережемъ жизнь на гибель супостатовъ; маршъ съ Христомъ!» Сдѣлавъ еще разъ земной поклонъ Божіимъ церквамъ, и взглянувъ съ тяжкимъ вздохомъ на золотыя маковки, которыя, какъ будто уже и потемнѣли, пошли мы по Рязанской дорогѣ.

Московскіе жители теперь только

догадавшіеся, что войска защищать ихъ не будутъ, увидя бѣду неминучую — кто во что горазд и кто въ чемъ попало, пустились, родные, куда глаза глядятъ.

Насмотрѣлись, братъ, мы на разныя чудеса; видѣли такой сумбуръ, что и во снѣ не пригрѣзится. Здѣсь бары попали на простую телѣгу, запряженную въ одну лошадь; ей не въ моготу, — а господа и погоняютъ и пособляютъ! Тамъ полупьяные лакеи, ввалясь въ карету, на лихомъ шестерикѣ несутся, что пыль столбомъ! Тамъ, и родными и чужими оставленная, бѣдная барыня, выходя изъ Москвы съ кучею дѣтей, въ суматохѣ какъ-то потеряла маленькаго сына, кричитъ, рветъ на себѣ волосы; но кто увидитъ иль услышитъ бѣдную? а тамъ — деревенскій мужикъ (дворникъ), уложа чиннёхонько

въ мѣшечекъ малолѣтную осиротѣвшую свою барышню, забытую и нѣжными нянюшками и жирными мамушками, спасая кровь покойныхъ господъ, до гробовой доски остается имъ вѣрнымъ. Но всего не раскажешь: у тебя сердце Русское, такъ оно и безъ того догадается, что́ истинному Христіанину идетъ на умъ, когда общая бѣда призываетъ его къ услугѣ во время.

Теперь дѣло прошлое, а быть бы бѣдѣ и того хуже, если бъ всѣ солдаты и Московскіе жители наканунѣ знали, что столица обречена, какъ слабый ягненокъ голодному волку! Приказъ-то вѣдь былъ, что войска идутъ въ обходъ на Звенигородку, чтобъ чихнуть непріятелю въ затылокъ; солдаты крѣпко пошушукивали, какъ вышли на Рязанскую дорогу! Обманъ-де, ребя-

ша, насъ морочатъ: не порадуемъ-де мы сердца Царева, что сами уцѣлѣемъ, а Москву отдадимъ! Въ иныхъ полкахъ и больно было межъ собой заговорили, а на ту пору — какъ снѣгъ на голову, самъ Главнокомандующій съ однимъ Адъютантомъ, да съ однимъ ординарцемъ. «Здорово, ребята!» сказалъ старикъ (приказавъ остановиться). «Спасибо вамъ, друзья, за храбрую, вѣрную службу! Не тужите, товарищи! Москва не Россія, не въ каменныхъ палатахъ наша защита, покой и счастье; еще Русскій Богъ не оставилъ насъ; кровь въ жилахъ не застыла, и грудь отъ сей жертвы окрѣпла болѣ прежняго; горевать, плакать и даже умереть всегда будетъ время; а теперь попробуемъ, съ помощію Бога Всемогущаго, такъ уподчивать незваныхъ гостей, чтобъ впередъ не пошли, да и назадъ

не воротились. Маршъ съ Христомъ!» — Ну ужъ тутъ, братъ, не только говорить, да и думать было не о чемъ.

Богъ испытуетъ насъ грѣшныхъ, и да будетъ Его святая воля, а что любо, то любо; ужъ это, братъ, прямо по-нашему... по-Русски! Отъ самаго Смоленска, какъ сила наша шла и бары наши ѣхали и мужики съ семьями шли, кто по большой, кто по проселочной; кто зналъ, куда Христосъ несетъ, кто плелся, куда глаза глядятъ, только дома никто не остался, и заморская разношерстная сволочь, что съ собой несла, тѣмъ себя и подчивала. — Здѣсь, видно, не въ Нѣмечинѣ — бирь-супу нѣ-ма! Это-де деревенщина, думалъ Бонапартъ; они-де настращены, боятся меня — отъ того и бѣгутъ, но въ Москвѣ встрѣтятъ и честь отдадутъ; войску мое-

му будетъ лафа, а я-де съ банкета на банкетъ, ѣшь не хочу! — Держи, братъ, карманъ! тебя и въ Пруссіи-то любили, какъ собака палку, а въ Россіи и чума была бы краше; онъ лишь къ заставѣ, а тутъ голо; онъ въ Москву, а тутъ синё; онъ въ Кремль, а тутъ пусто! — «Да гдѣ жъ паны и жители?» спросилъ онъ. — «Провожаютъ Кутузова,» сказали ему. — «Когда же они воротятся? — «На проводы: когда вздумаешь итти, откуда пришелъ!»

ПИСЬМО IX.

Ну, братъ Данилычъ, первую-то чарочку послѣ тяжкаго горя поднесли мы бусурманамъ не очень по вкусу! Вѣдь я говорилъ, что старикъ Кутузовъ не даромъ живетъ на бѣломъ свѣтѣ: ужъ какъ онъ ихъ разутѣшилъ! Оставя Москву, мы, какъ ты знаешь, потянулись по Рязанской дорогѣ, а Французы за нами; вотъ день и другой, а тамъ, нутко-де попробую, сказалъ Кутузовъ: мастеръ ли Бонапартъ играть въ кулюкишки! Велѣлъ сторожевымъ полкамъ итти на Коломну, да и хватилъ съ нами на Калужскій трактъ: Французы прямо, а мы въ въ сторону, и сдѣлались сзади! Умора, да и только! а тутъ откуда взя-

лись наѣздники и ну его трепать! и такъ и сякъ, и съ боковъ и съ затылка! Покуда онъ догадался, покуда воротился въ Москву, а тысченокъ тридцать колдунятъ своихъ, говорятъ, не досчитался. Скушалъ, сударикъ, Коломенскій калачъ, только чорствый, съ закальцемъ. Да какъ же, говорятъ, осерчалъ! тотчасъ велѣлъ ловить, разстрѣливать и вѣшать всѣхъ оставшихся въ Москвѣ Русскихъ. Сиде Москву жгутъ! Вишь, къ чему привязался! Вотъ выискался какой благодѣтель, вступается, какъ будто за свою столицу! А Москва и впрямь загорѣлась: теперь зарево страшное; вся матушка, какъ свѣчка теплится. Охъ! братъ Кремневъ! опять тошнехонько; кажись, не пойдетъ намъ и кусокъ въ горло, покуда не зальемъ этого пожара бусурманскою кровью! А кто

Москву зажегъ, не наше дѣло; то только вѣрно, что безъ нихъ она бы не горѣла.

Офицеры говорятъ, что переходъ съ одной дороги на другую, дѣло великое и важное, и не дравшись, ди-скать, однимъ переходомъ выиграна славная побѣда: мы, слышь, теперь у нихъ во флангѣ; пусть куда хотятъ двигаются, а мы и тутъ! но и того-де лучше, что теперь прикрыты богатыя наши губерніи, и что за съѣстными запасами послать никуда имъ нельзя, а что въ Москвѣ-то застали, то вѣдь сгоритъ вмѣстѣ съ Москвою, такъ и придется свистать въ ноготокъ. Авось будетъ и на нашей улицѣ праздникъ! «*Утро, яко трава мимо идетъ, утро процвѣтетъ и прейдетъ, на вечеръ отпадетъ, ожестнетъ и изсхнетъ, милость же и истина срѣтостася,*

правда и миръ облобызастася.» Слышишь, чѣмъ кончилъ намъ проповѣдь Священникъ послѣ молебна при началѣ войны!

ПИСЬМО X.

Вотъ теперь пораскажу я тебѣ чудеса, что волосы дыбомъ станутъ! Лишь пришли мы въ Красную Пахру, а тутъ наши наѣздники дожидаются Главной квартиры, съ тремя Французскими курьерами, которыхъ перехватали на Смоленской дорогѣ; ну! съ чѣмъ, ты думаешь, эти курьеры изъ Москвы посланы были за-море, въ бусурманскую сторону?... Съ церковнымъ серебромъ! У злодѣевъ не дрогнула рука сорвать ризы со святыхъ иконъ... Батюшки свѣты! Ахъ! они окаянные! Вѣдъ ужъ это, воля твоя, изъ рукъ вонъ! Мы и сами благодаря Небеснаго Царя, въ чужихъ земляхъ бывали, и частенько случалось проходить мимо церквей! Такъ хоть

креститься и не станешь — а молитву все таки сотворишь; по моему: гдѣ народъ молится, тамъ и святой храмъ; такъ положу ли я руку на утварь Господню? Да провались я сквозь землю, если и на умъ только взойдетъ мнѣ экая притча! — Надъ Вѣрой, чья бы она ни была, шутка вовсе не смѣшна, да и отшучиваться грустно; всякому свое мило.

Послѣ этого суди, каковъ Французскій обычай, и скажи: что у нихъ святаго? — Пусть оторвутъ у меня руку, ногу, худо мнѣ будетъ, а прощу! Но за оскорбленіе храмовъ Божіихъ и за ризы церковныя, я, братъ, съ ними въ вѣкъ не помирюсь! А мнѣ было еще и блажь въ голову пришла: вѣдь по-Нѣмецки-то намъ не съизнова учиться: бывало въ Пруссіи заведешь рѣчь, какъ съ родными, а лишь молвишь: ли-

беръ мудрахенъ (*) мадамъ, гебенцы пожалуста миръ эйна глазикъ биръ (**)!» глядишь, инъ вмѣсто стаканчика пивца, поставятъ те цѣлую бутылку — раздолье! Да Прусаки, братъ, славные люди, что и говорить! Ну, вотъ хотѣлъ было я и по-Французски-то поучиться, вѣдь не вѣкъ свой будемъ тузить другъ друга, когда нибудь, чай, и помиримся, а тамъ неравно придется, думалъ я, кого нибудь и изъ нихъ кстати приласкать, приголубить. Въ семьѣ не безъ урода, встрѣтится подъ часъ и порядочный человѣкъ, но видно, каковъ попъ, таковъ и приходъ: теперь плати ты мнѣ за каждое слово по пятаку, вотъ-те Христосъ не возьму! Стало быть и говорить съ окаянными до гробовой доски не буду; а вѣдь разго-

(*) Liebes Mutterchen.
(**) Ein Gläschen Bier.

воръ-то, у нихъ не больно хитеръ: стоитъ приняться, духомъ бы схватилъ! Не далѣе, какъ вчерась пригнали къ намъ человѣкъ триста плѣнныхъ, да что за люди? посмотрѣть не на что; ни дать, ни взять, стрекозы. Мы лишь подошли къ нимъ, а они заговорили: «*Мусье, дуй пень, дуй пень* (*).» — «Здѣсь чистое поле, пней нѣтъ, товарищи,» сказали мы: «дуйте себѣ въ кулакъ, коли васъ беретъ охота.» — Можно бы, кажись, понять? инъ лихъ нѣтъ! Они все таки свое; кой чортъ вошло имъ въ голову? Не выкидываютъ ли они штуки, думали мы; на бѣломъ свѣтѣ много, да и у насъ есть Черемисы, что и молятся пнямъ; ужъ не считаютъ ли они и насъ такими же получертенятами? Долго мы толковали, да спасибо подошелъ полковой

(*) Monsieur, du pain, du pain.

нашъ причетникъ, Вавила Пафнутьичъ Строчкинъ (онъ опредѣлился послѣ тебя) человѣкъ ученый и, не грѣша можно сказать, всесвѣдущій; всю обѣдню наизустъ такъ дерма и деретъ, да и дивиться нечему; хоть въ службу-то онъ отданъ и за пьянство, однако жъ изъ семинаристовъ, ну сущая, братъ, книга, ужъ не запнется; о чемъ хоть заговори, научитъ и попа другаго. «Они, ребята, хлѣба просятъ,» сказалъ Вавила Пафнутьичъ: «хотя кормить бусурмановъ и не приходится — да что дѣлать? вѣдь они все таки тварь Божья; да и Священное Писаніе гласитъ: любите и враговъ вашихъ!» Только что отрѣзали мы имъ по кусочку, а ихъ и погнали. «Адне (*)!» закричали всѣ въ голосъ. Нѣтъ, пріятели! безъ конвою васъ, чай, не пустятъ! сказали мы. «Да

(*) Adieu.

они прощаются,» перевелъ намъ Строчкинъ. Ну теперь ты видишь, что языкъ у нихъ просто напросто нашъ; только они его злодѣи перековеркали: дуй пень, это, вишь, дай хлѣба, а кушать, по ихнему, манжеты! Ну право, съ ними съ пострѣлами животики надорвешь! Да что толковать! и въ Польшѣ точнехонько тоже: какъ начнешь бывало слова-то ломать и съ права на лѣво, и съ лѣва на право, и на изнанку, такъ и пойдутъ дѣла на ладъ; иное мѣсто и самъ не понимаешь, что говоришь, а они ужъ знаютъ: катай только навыворотъ.

Здѣсь назначенъ и вступилъ въ должность Дежурнаго Генерала Петръ Петровичъ, нашъ Дивизіонный Начальникъ, Коновницынъ. Вся армія рада, что мѣсто такое важное занялъ храбрый, честный и благородный человѣкъ. А намъ его и не-вѣсть какъ жаль.

ПИСЬМО XI.

На старой Калужской дорогѣ есть село Вороново Графа Ростопчина, который, вишь, въ Москвѣ былъ набольшимъ; домъ каменный, огромный, словно дворецъ. Этотъ Графъ, сказываютъ, больно не хотѣлъ, чтобъ Москву-то бросили, и ужесть какъ сердился, что съ нимъ не посовѣтовались. Богъ вѣсть: Москвы, или села было ему жаль? только ужъ по всему видно, что до Французовъ-то онъ больно не охочъ: какъ смѣкнулъ, что сила наша провалила мимо, и что село остается непріятелю, тотчасъ зажегъ домъ своими руками, — экой молодчина!

Лишь только подошли мы къ Тарутину, а тутъ и Кутузовъ. Я видѣлъ

слезы ваши, слышалъ ропотъ на судьбу, и знаю пламенное желаніе храбрыхъ товарищей, умереть за каждый шагъ родной Русской земли,» сказалъ онъ намъ. «И вотъ мѣсто, на которомъ весь свѣтъ увидитъ разительный примѣръ священной любви и непоколебимой приверженности Русскаго воинства къ Богу, Государю и Отечеству! Здѣсь возродимъ мы геройскіе и вмѣстѣ Христіанскіе подвиги достойныхъ предковъ нашихъ! Здѣсь воскреснутъ безсмертныя дѣла Пожарскаго, Палицына и Минина! Здѣсь, друзья, сольемъ мы благородныя желанія, соединимъ усилія и откажемся отъ всего, кромѣ славы, побѣдъ и смерти!» —«Ради стараться, Ваша Свѣтлость!» закричали мы.—«Умремъ или побѣдимъ!» гаркнулъ Атаманъ Платовъ.—«Умремъ или побѣдимъ!» повторили мы. Старикъ

слезно зарыдалъ, закрылъ глаза платкомъ и поѣхалъ; а мы остались и тоже заплакали, — да о чемъ же? спросишь ты? Ужъ, право, не знаю — заплакало сердце, не спросясь у меня.

ПИСЬМО XII.

Куда какъ весело нашему брату работать, какъ знаешь, что трудъ пойдетъ въ пользу! Кромѣ карауловъ да сторожевыхъ полковъ, вся армія употреблена была на постройку баттарей, шанцевъ и еще какихъ-то ловушекъ (всѣхъ не припомнишь). Въ три дня мы сдѣлали новую Москву, только что не каменную, и теперь, кажись, стоимъ твердою ногою на Тарутинскихъ поляхъ; полки съ каждымъ днемъ усиливаются; съ Дону къ казакамъ большая гурьба пришла на помощь; дворяне, и старъ и младъ, прибывая ежечасно, поступаютъ въ полки. Я видѣлъ одного Полковника, который ужъ въ землю оборотился; смотришь

на него и боишься, — того и гляди, что разрушится; говорятъ, лѣтъ пятьдесятъ былъ уже въ отставкѣ, а привалилъ сударикъ защищать родной край. Ухъ, братъ! какъ страшно думать, что враги въ Россіи, и какъ мило глядѣть, что во всѣхъ Русскихъ одна душа! Обозы съ провіантомъ такъ и катятъ со всѣхъ трехъ сторонъ, и со всѣхъ же сторонъ валятъ мужики въ Главную квартиру — зачѣмъ, ты думаешь? — просить: кто ружья, кто пороху, чтобъ стрѣлять Французовъ; ай, да ребята! похваливаемъ мы, а они-то хорохорятся, да что ты думаешь? зипунъ сѣръ, а разсудокъ-то не чортъ съѣлъ — имъ не клади пальца въ ротъ; на армію они не нападутъ, а небольшую-то командишку уходятъ, какъ пить дадутъ. Сказываютъ, что кой-гдѣ Подмосковные начинаютъ уже и

отличаться. А между тѣмъ изъ нѣкоторыхъ городовъ прибыли купецкіе старшины съ тѣмъ-де именно, чтобъ заранѣе узнавать, чего у насъ не достаетъ. Вотъ, братъ, народъ! ты много служилъ, а гдѣ видѣлъ экихъ людей? — Вчерась изъ Калуги прибылъ обозъ съ сухарями, которые велѣно принять въ нашъ полкъ; лошаденки такъ изморены, что чуть плетутся, а на подводчикахъ синіе кафтаны, шелковые кушаки, пуховыя шляпы! Вотъ мы и ну ихъ распрашивать. Что жъ вышло? Настоящіе хозяева кто захворалъ, кто изъ страха бѣжалъ, такъ чтобы не остановить дѣла, съ сухарями поѣхали купцы. Одинъ такой осанистой и по лицу-то словно праведный, вслушавшись, что мы ихъ между собою похваливали, сказалъ намъ: «Труды наши не поравняются съ

вашими, храбрые воины! не много мы сдѣлали, что по доброй волѣ обозъ къ вамъ пригнали! Вы наши защитники, и за насъ проливаете кровь свою; глупый человѣкъ, кто не знаетъ цѣны священной крови, которая льется за Христову Вѣру и за Домъ Государевъ. Нѣтъ, любезные друзья! будьте увѣрены, что мы не пощадимъ для васъ и послѣдняго алтына, коли потребуетъ того время и нужда ваша, отъ которой да сохранитъ васъ десница Божія!» Рѣчь подлинно умная. Но чтобъ пушемъ смазать душу, онъ вынулъ изъ кармана полную горсть серебра, и отдавая намъ, просилъ поставить свѣчей и отслужить молебенъ Смоленской Божіей Матери, которой образъ находится при Гвардіи, а на остальные выпить за здоровье Русскихъ солдатъ, «И Калужскихъ купцевъ!» при-

молвили мы. — Да чего тебѣ больше? сказываютъ, что у насъ въ конницѣ служатъ двѣ какія-то барышни изъ благородныхъ, вишь, одна унтеромъ, а другая Поручикомъ; чины взяли за храбрость, и обѣ заслужили по кресту,— въ огонь такъ и лѣзутъ, а верхомъ, слышь, сидятъ, что и иглы не подточишь, словно приросли къ сѣдлу. Вишь, братъ, какія разудалыя проказницы!

Прощай! сей часъ идемъ впередъ, въ сторожевые. Тебя ужъ не учить: ты знаешь, что, стоявши съ непріятелемъ носъ къ носу, надобно соблюдать такую осторожность, чтобъ въ одну минуту можно быть готову и стрѣлять и колоть. Боже упаси оплошать! Какъ разъ улетишь на тотъ свѣтъ: самъ пропадешь, да еще и дру-

гихъ погубишь. По пути говорится: одинъ щурупъ испортится, а все ружье не годится.

ПИСЬМО XIII.

Въ цѣпи часовые наши отъ непріятельскихъ такъ близки, что можно бы и разговаривать, да о чемъ толковать съ бусурманами? Не худо бы, правда, спросить: зачѣмъ пожаловали? развѣ дома-то тѣсно стало? При насъ они не проказничаютъ, а прежде, говорятъ, то и дѣло подпалзывали, чтобъ схватить языкъ: да не туда тянули, порвали, а хотя бъ и взяли, не много бъ узнали! Они видно не вѣдаютъ, что Русскаго солдата распили, а правды врагамъ онъ не скажетъ; вѣдь умереть все равно, на печи иль на полатяхъ. Да кто и на пуховикахъ-то изволитъ преставляться, такъ и ему не краше, чай, нашего! Ужъ это дѣло мы не

хуже другихъ знаемъ — по гошпиталямъ и по своему полковому лазарету; кто былъ хорошій Христіанинъ, честный человѣкъ и вѣрный солдатъ, тотъ умираетъ, родимый, какъ лучинка догараетъ; смотритъ на святыя иконы безъ страха, творитъ молитвы съ такимъ спокойствіемъ, умиленіемъ и смиреніемъ, что другой съ экой радостью и торжественнаго праздника не встрѣчаетъ; со всѣми простится, какъ съ братьями, все распорядитъ, обо всемъ прикажетъ и заснетъ, дай Богъ ему царство небесное, какъ свѣча угаснетъ; а другаго сударика, что душонкою подгулялъ, совѣсть покривилъ, да и рыльцо-то позапачкалъ, коверкаетъ, ломаетъ и какъ будто чортъ, прости Господи, душу-то изъ него выгоняетъ, ужесть взглянуть! то его согнетъ, то скор-

чишъ, що языкъ высунешся къ самому пупку, то заворошится къ затылку; теперь въ утѣшеніе одно бы и оставалось, прибѣжище къ Господу Богу. Инъ лихъ нѣтъ! Злодѣй, кто сперва не вѣрилъ, не любилъ и знать Творца Небеснаго не хотѣлъ, кто не шелъ путемъ, который указываетъ намъ святая Вѣра, тотъ въ часъ смерти всего боится, и не только не можетъ взглянуть на ликъ Господень, да и аминь сказать не смѣетъ, — растянется, и отправится къ чертямъ на кулички!

Какъ померкуешь, братъ Данилычъ, хорошенько, да возришься въ плотную, такъ нѐ-хотя видишь, что все ведется начальствомъ. Кому не бываетъ скучно? и со мной это случается; — ну вотъ и развернешь книжку, что выдалъ Полковникъ всѣмъ грамотнымъ

солдатамъ, и начнешь читать, а безграмотные учнутъ слушать, а тутъ всѣ поученія истолчены и въ ротъ положены, читай и руби себѣ на носу, не тяжело, а любо! — напримѣръ:

«Солдатъ, имя общее, знаменитое! Солдатомъ называется и первѣйшій Генералъ и послѣдній рядовой; имя солдата носитъ на себѣ всякой тотъ изъ вѣрноподданныхъ Государя и Отечества, на могучихъ плечахъ коего лежитъ сладкая душѣ и сердцу обязанность: защищать святую Вѣру, Царскій тронъ и родной край! колотить враговъ иноземныхъ, истреблять враговъ внутреннихъ, и поддерживать въ Государствѣ всеобщій, законами опредѣленный порядокъ. — Дурной сынъ Церкви не можетъ быть хорошимъ сыномъ Отечества; онъ заживо — обреченная доля преисподняго ада, и

потому первѣе всего надлежитъ всею душею, всѣмъ сердцемъ, всѣми намѣреніями и помышленіями утвердиться въ законѣ Божіемъ, въ святой Христовой Вѣрѣ и въ артикулахъ Царскаго Устава. Человѣкъ родится для того, чтобъ умереть; эти два конца всячески неизбѣжны и зависятъ отъ Бога, но середка по большей части въ нашихъ рукахъ. Кто лѣзетъ въ воду, не спросясь броду, тотъ безъ сомнѣнія утонетъ; но чтобъ быть хорошимъ, славнымъ солдатомъ, не много надобно!

«Люби Бога, Государя и Отечество, повинуйся слѣпо Начальству, будь храбръ и неустрашимъ въ сраженіяхъ, всѣ дѣла службы исполняй безъ ропота, съ покорностію, съ охотою, съ доброю волею, и всѣ тягости, какія подъ часъ столько же бываютъ трудны, сколько и неизбѣжны, переноси

съ Христіанскимъ терпѣніемъ; а въ заключеніе, всѣ сіи достоинства скрѣпляй въ себѣ присягою, которую храни, какъ зѣницу ока. — Присяга есть торжественное обѣщаніе, данное тобою лично самому Господу Богу! — Что же сего важнѣе?

«Въ полковыхъ знаменахъ — слава, честь и жизнь служащихъ! Въ нихъ въ совокупности соединены всѣ святыя драгоцѣнности наши: Вѣра, Государь и Отечество!

«Солдату, въ общей съ товарищами жизни, надлежитъ обходиться съ честными людьми дружелюбно, чистосердечно; съ сомнительными осторожно; къ дурнымъ же, напротивъ того (пока не потеряна еще надежда къ исправленію), быть внимательну, попечительну, ласкову, и употреблять всѣ средства, чтобъ получить довѣрен-

ность заблудшаго, силою коей, совѣтами и примѣрами, успѣвать спасти его отъ гибели.

«Для хорошаго солдата довольно, если и одного несчастнаго, погибающаго негодяя, удастся ему возвратить къ Богу и къ обязанностямъ службы, и симъ немногимъ онъ положитъ къ подножію Престола такую жертву, каковой позавидуетъ и самый добродѣтельнѣйшій изъ священнослужителей!

«Младенецъ, девять мѣсяцевъ во внутренности матери образовавшійся, вѣрно не хотѣлъ бы оставить столь покойной канурки; ему мягко, сытно, тепло, чего жъ лучше? Иной проказникъ въ минуту рожденія такъ упрямится, не желая разстаться съ раздольнымъ беззаботнымъ житьемъ, что и щипцами пріятеля насилу вытянутъ;

но, явясь въ подлунный міръ, часъ отъ часу начинаетъ ему нравиться и бѣлый свѣтъ; съ возрастомъ, постепенно онъ привыкаетъ къ простору, любитъ Природу, свободу; наконецъ все ему дорого, мило, и... онъ счастливъ.... А смерть? тьфу пропасть, опять горе! Чувства наши стѣсняются и при одномъ только помышленіи о смерти; легко ли подлинно, бѣдному человѣку предвидѣть и знать навѣрное, что тлѣнная оболочка его разрушится, бренные замыслы разлетятся, и что мы, господствующіе повелители подвластныхъ двуногихъ и даже четвероногихъ животныхъ, составимъ собою превкусное блюдо ничтожнымъ червямъ, нынѣ ногами нашими попираемымъ? Но сіи-то именно чувства страха болѣе и болѣе удостовѣряютъ насъ въ истинѣ священныхъ преданій,

что душа наша не умираетъ и что новый міръ ожидаетъ ее за гробомъ, иначе не было бы причинъ бояться; а посему и надлежитъ держать ухо востро, не давать промаху и заслуживать аттестатъ въ небо; тамъ непремѣнныя квартиры наши; но здѣсь мы лишь на искусѣ! Причемъ не трудно убѣдиться, что Вѣра святая и законъ Государевъ составляютъ все наше благо, ограждаютъ насъ отъ всѣхъ бѣдъ и напастей; слѣдуй по словамъ Вѣры и закона, — и будешь самъ себѣ баринъ! Добрый солдатъ, спасительнымъ артикуламъ слѣпо преданный, съ правами человѣчества, подъ кровомъ матки-правды, съ душею непорочною, съ совѣстью чистою, прямымъ добродѣтельнымъ путемъ идетъ, какъ Волга-матушка течетъ, ни чего не боится, ни чего не страшится. —

Дурные люди обыкновенно говорятъ: какъ ржа точитъ напраслина, и по неволѣ-де сдѣлаешься дуренъ! Вздоръ, есть и на Волгѣ мельницы, стучатъ, шумятъ, но теченія Волги не измѣняютъ; чистый, честный человѣкъ никогда не встрѣтитъ столь пагубной напраслины, чтобъ она имѣла силу по неволѣ столкнуть его съ большаго, прямаго, безопаснаго пути на скользкую, безнадежную, проселочную дорогу; клевета, ябеда и сплетни зло на свѣтѣ не новое, но для добрыхъ, хорошихъ людей зло вовсе постороннее; желать, чтобъ зло всюду исчезло, значитъ желать, чтобъ мать Природа измѣнила коренные законы, Вседержителемъ ей предписанные.

Горькая доля, каковую упрочиваетъ себѣ дурной солдатъ, бѣдственнымъ примѣромъ остерегаетъ добраго

молодаго, неопытнаго воина, которому, чтобъ счастливо прослужить узаконенный терминъ, не предстоитъ ни малѣйшей хитрости. Избѣгай пороковъ, гнушайся гибельными примѣрами и утѣшайся неоспоримою истиною, что вѣрный долгу своему солдатъ, прямой Христіанинъ, стоитъ выше всѣхъ бѣдъ, выше всѣхъ сплетней, и за добрыя дѣла, за усердную службу вѣрнѣе пули въ мишень получитъ достойную награду и въ здѣшней и въ будущей жизни; напротивъ того, и самый успѣхъ избѣгающаго службы или подлостію выслужившагося негодяя лакомитъ поганую душу нечестивца для того собственно, чтобъ чувствительнѣе нанесть ему ударъ и разительнѣе низринуть его въ бездну вѣчныхъ мукъ и страданій.

И со мной нѣкогда случалось, что

поганый языкъ бозбожнаго клеветника лизалъ по моему мундиру, но пятна не оставилъ, и правая душа не знала горя: безвинно въ Россіи никто не страдаетъ. Кто чесноку не ѣлъ, отъ того и не воняетъ. Не должно однако жъ забывать каждому и знать, что съ честію и славою полка связана честь и слава всѣхъ служащихъ въ немъ чиновъ отъ мала до велика; шалуна, учинившаго неодобрительный поступокъ, по уваженію иногда къ молодымъ лѣтамъ и по снисхожденію къ другимъ слабостямъ, я могу и простить; но кто видитъ и знаетъ въ товарищѣ своемъ омерзительное поведеніе, могущее нанесть дурную молву къ лицу всего полка, и не донесетъ по командѣ или лично мнѣ, тотъ ни въ войнѣ, ни въ мирѣ, другомъ и товарищемъ моимъ не будетъ; а когда

въ знаніи и сокрытіи по дѣлу изобличится, накажется съ бо́льшею строгостію, нежели самъ преступникъ; мы составляемъ одно семейство и у всѣхъ у насъ одна душа; васъ хвалятъ, у меня сердце растетъ; меня хвалятъ, вамъ весело; причемъ слишкомъ было бы глупо, чтобы мы допустили одну шелудивую овцу заразить все стадо! У кого изба засорена, у того и весь дворъ неопрятенъ. Теперь, какъ разъ десятокъ, другой, прочтешь самъ, да разъ десятокъ, другой, тебя прослушаютъ, такъ, что ни говори, а строчка, другая за неволю врѣжется въ душу и за неволю произведетъ плодъ.

ПИСЬМО XIV.

Поздравляю, братъ Кремкевъ, тебя и себя съ полковымъ нашимъ праздникомъ Св. Апостола Іоанна Богослова, а матушку Русь — съ хорошей добычей! Въ эту недѣлю наѣздники наши, мужики и даже бабы, натаскали къ намъ плѣнныхъ Французовъ тьму тьмущую! Что въ Москвѣ уцѣлѣло, бусурманы, вишь, сманжетали; не осталось даже ни одной вороны, галки и лягушки; теперь, слышь, пришлось взяться за крысъ и мышей, но какъ съ этого промысла барыши не велики, то и пустились голоколѣнники по деревнямъ, а наши бородатые мужички того и ждали! Ну, право, мы надсѣлись со смѣху, какъ расказывали они про свою

охоту, какъ ловятъ и душатъ Французовъ, не въ примѣръ-де веселѣе волчьей!

Сегодня были мы въ церковномъ нарадѣ, и Священникъ, по окончаніи молебна, сказалъ намъ слово, которое кончилъ ужъ подлинно, братъ, диковинкою.

«Не наши, конечно, много-грѣшныя молитвы,» говорилъ отецъ духовный: «услышаны Господомъ Богомъ! Но Царь небесный явно даетъ намъ чувствовать непостижимое величіе и неизреченное милосердіе свое къ возлюбленной Имъ Россіи. Свято-Троицкая Лавра, пребывшая чрезъ все бѣдственное для насъ время безъ воинскаго прикрытія, ограждалась и защищалась по сей часъ десницею Всемогущаго Бога, а драгоцѣнная сокровищница Святыхъ Господнихъ Храмовъ и нынѣ, какъ нѣкогда при Татарахъ и Полякахъ, оста-

лась неприкосновенною! Кто изъ враговъ не испытывалъ силъ, овладѣть столь лакомымъ для алчной корысти гнѣздомъ святой Вѣры нашей? Но бывъ вѣчно поражаемы свыше, никто не имѣлъ успѣха и приблизиться къ Свято-Троицкой Лаврѣ. Даже и чума въ Москвѣ, нѣкогда свирѣпствовавшая, не простирала губительнаго дѣйствія своего къ сей священной Обители! Съ нами Богъ! разумѣйте языцы и покоряйтесь: яко съ нами Богъ!»

Послѣ сего, какъ возвратились мы въ шалаши, Вавила Пафнутьичъ порасказалъ намъ дѣло-то аккуратнѣй: ты знаешь, что въ Свято-Троицкой Лаврѣ опочиваютъ мощи Святаго Угодника Сергія, и что у гроба (или, какъ духовные называютъ, у раки) денно и нощно стоятъ монахи на часахъ, смѣняясь по нашему, т. е. по-солдатски. — Ми-

трополитъ, изъ Москвы въ Лавру удалившійся, ежевременно также находится при святыхъ мощахъ, и въ самое то время, когда мы жертвуемъ жизнію на поляхъ славы, отцы духовные жертвуютъ собою, убивая и изнуряя силы свои въ денныхъ и ночныхъ бдѣніяхъ на молитвахъ. Однажды, какъ Митрополитъ въ глухую полночь, удѣля нѣсколько минутъ на отдохновеніе, спѣшилъ опять въ церковь, въ преддверіи оной встрѣтился ему монахъ, вовсе незнакомый, который тоже, по видимому, спѣшилъ, въ предлежащій путь. Высокопреосвященнѣйшій Владыка тогда уже спросилъ, откуда и зачѣмъ приходилъ въ Лавру посторонній монахъ, когда кончилась служба; не менѣе того наведена была справка, причемъ оказалось, что всѣ свои монахи были на лицѣ, и приходившаго

никто не видалъ, а въ слѣдъ за симъ слухъ пронесся, что это былъ самъ Угодникъ Сергій.

Тутъ Строчкина спросили къ Священнику, и онъ, убѣгая молвилъ: за что-де ребята купилъ, за то вамъ и продалъ. Я однако жъ вѣрю, потому, что спасать насъ Святому Сергію не новое; какъ бы то ни было, но мы все таки стали на колѣни, и отъ всей души помолились Господу Богу и Святому Угоднику.

ПИСЬМО XV.

Вчерась досталось мнѣ на часы къ ставкѣ Милорадовича; ты знаешь, что у насъ на святой Руси Милорадовичъ извѣстенъ и старому и малому; для него непріятельскія пули и ядра — трынъ трава. Пафнутьичъ за вѣрное расказывалъ; будто однажды Англійскій Генералъ, при нашей арміи находящійся, съ которымъ Милорадовичъ друженъ и хлѣбъ-соль водитъ, захотѣлъ попробовать, какую де шутку выкинетъ Русской храбрецъ, увидя невзначай на тарелкѣ своей свинецъ, и запрося его къ себѣ на завтракъ, приказалъ повару въ приспѣшной положить пистолетную пулю въ битое мясо. Ну, вотъ, сковороду по-

дали, и кусокъ съ пулею попался прямо нашему батюшкѣ. Онъ, отрѣзавъ сперва ту сторону, гдѣ не было пули, пожевалъ и проглотилъ; потомъ и ту часть мяса, что съ пулею, положилъ въ ротъ, пожевалъ, пожевалъ, да и . . . проглотилъ на доброе здоровье, — у Англичанина волосы дыбомъ встали, а Милорадовичъ замѣтилъ только, что у него покупаютъ черствую говядину. Вотъ, братъ, желудочекъ! Изжарь, пожалуй молодцу хоть весь патронный ящикъ, ему и порохъ и свинецъ малина, а бусурманы хотятъ испугать насъ пальбой! Далеко куцому до зайца! Съ экими разудалыми командирами мы и въ усъ не дуемъ.

Къ вечеру съ передоваго сторожеваго пикета Милорадовичъ пріѣхалъ домой, повидавшись тамъ съ какимъ-то Королемъ, который при Бонапар-

тѣ служишъ, знашь, для посылокъ. Тебѣ, не-бось, смѣшно, а сердечнымъ Королямъ, чай, вовся не до шутокъ! Да что дѣлать? Вишь колдуну все можно; лишь молвишь: по щучьему велѣнью, по моему прошенью будь валетъ королемъ, а король двойкой, такъ они и запляшутъ въ три ноги; многіе притоманно знаютъ, что съ нимъ лучше де и не схватывайся, ни въ три листика, ни по носкамъ; ты еще тасуешь, а у него ужъ хлюстъ, вотъ онъ те ноздри-то и вздуетъ, да какъ? что и Божьяго свѣта не взвидишь.

Надъ нами-то полно, ему нѣтъ воли; ужъ онъ, братъ, не проглотитъ Русскаго креста, какъ нашъ Милорадовичъ Англійскую пулю, стара матерія!

Кажется, что Бонапартъ началъ пришепетывать (толковали Адъютанты) и изъ высокихъ-то Царскихъ хо-

ромъ сталъ поглядывать на Леташевскую лазейку, въ которой живетъ Кутузовъ; ужъ не разъ де засылалъ къ старику и Королей и Генераловъ, ступайте - дискать, переговорите, ужъ не о томъ рѣчь, чтобъ покорить Русь, а чтобъ по добру да по здорову убраться за море, домой; только смотрите, не сдѣлайте промаху: онъ-де старая лисица, — рыльцемъ роетъ, а хвостомъ замешаетъ; у него-де для такихъ, какъ мы, друзей, есть розныя штуки; стойте прямо къ лицу, держите ухо востро и не зѣвайте; онъ, слышь часто, одной стороной плачетъ, какъ рѣка льется, а другой, вишь, помираетъ со смѣху.

Разставь карманъ! сказалъ я самъ себѣ поглаживая родимой штыкъ: неравно ты подкузмишь нашего Кутузова.

Сказываютъ, будто изъ арміи къ батюшкѣ Царю въ Питеръ, всегда посылаются въ одинъ часъ два курьера по двумъ разнымъ дорогамъ, одинъ съ тѣмъ, дискать, чтобъ доѣхалъ цѣлкомъ прямо, а другой съ тѣмъ, чтобъ попался Французамъ, у перваго настоящее дѣло, а у другаго сказки (Вонъ, чай, изъ той книги, что подъ часъ на бивуакахъ читаетъ намъ причетникъ Строчкинъ: куды, братъ, хороша! что твоя брага! вѣкъ не забуду Аглецкаго Лимондра (*), Баранденбургскую Марка Графенью (**) и Турецкаго Марци Мириса (***)! вотъ какъ эти медовыя сказочки называются! Ужъ было братъ труда затвердить

(*) Милорда.

(**) Бранденбургскую Маркграфиню.

(***) Имя собственное.

эку притчу! а нельзя, ужесть какъ заманчивы проклятыя!) Ну вотъ со сказками-то курьеръ на другой же станціи и попадется непріятелю въ лапы, словно налимъ въ нерета! и... пойдетъ, слышь, кутерьма! бумаги схватятъ, курьера свяжутъ, первыя читать, послѣдняго допрашивать, умора, да и только! А какъ увидятъ, что ладится на ихъ руку, что старикъ будто бы знать струсилъ; что воевать ему и не съ чѣмъ и не хочется, такъ не только что съ честью въ Питеръ проводятъ, бумаги отдадутъ, да и золота въ карманы курьеру насыплютъ!...

«Дожидайтесь, пріятели, думаетъ себѣ Кутузовъ: хлѣбайте-ка уху, а рыба дорога! Мнѣ бы только васъ какъ нибудь позадержать, да Московскимъ дымкомъ подкоптить, а тамъ вы у

меня по холодку попрыгаете цыганскій танецъ.» Вотъ, братъ Данилычъ, что значитъ умъ! Боже милосердый! какіе у насъ есть люди!

ПИСЬМО XVI.

На дняхъ чрезъ передовые посты пропущенъ въ Леташевку и обратно Французскій Генералъ Ларя-стой (*), который, говорятъ, до войны жилъ въ Питерѣ, да по знакомству-то и подъѣхалъ было къ Кутузову, вишь съ миромъ! Вотъ что подслушалъ я, какъ Полковникъ расказывалъ офицерамъ, иное мѣсто и съ трудомъ, но не проронилъ словечка:

«Императоръ мой,» говорилъ Ларястой старику, — «по свойственному исключительно ему одному человѣколюбію, не хочетъ проливать болѣе крови; онъ, не смотря на пріобрѣтенные имъ успѣхи и тѣ блистательныя выгоды, коими окруженъ, обладая серд-

(*) Лористонъ.

цемъ Россіи, даритъ Императору Александру миръ, не желаетъ распространенія границъ Французской Монархіи, не увлекается видами корысти, и, къ удивленію, ограничивается, какъ кажется, одною только дружбою Русскаго Царя! Я не думаю, чтобъ столь важныя пожертвованія со стороны моего владыки не порадовали васъ, почтеннѣйшій Генералъ, а и того менѣе, чтобъ могли быть отвергнуты вами въ самое то время, когда армія наша въ наилучшемъ и можно сказать, въ цвѣтущемъ состояніи, и когда по одному мановенію резервы наши могутъ, усиля, содѣлать оную болѣе и болѣе непобѣдимою! —

«Прибывъ къ вамъ, какъ къ пріятелю, не въ лицѣ Посла, я говорю съ вами языкомъ человѣка, всей душей васъ любящаго, за хлѣбъ-за соль и за

дружбу многимъ Русскимъ благодарнаго. Примите искренній совѣтъ мой и поспѣшите воспользоваться спасительными для васъ обстоятельствами, дабы настоящимъ и вовсе, впрочемъ, неожиданнымъ расположеніемъ Императора моего, вопреки здравой политикѣ очевидно въ пользу Россіи склоннаго, заблаговременно успѣли вы отвратить отъ вашего отечества новыя бѣды, въ исполинскихъ замыслахъ неподражаемаго генія вѣчно готовыя!» —«Любезный Ларя-стой,» отвѣчалъ Кутузовъ: «миръ, какъ благой даръ Небесъ, Императоромъ Наполеономъ предлагаемый, или въ вашей только благородной и участіемъ преисполненной душѣ возникшій, цѣню я выше всѣхъ сокровищъ въ свѣтѣ, и съ моей стороны намѣренія къ тому всегда были рѣшительны и постоянны; недоставало

только, да и нынѣ недостаетъ согласія Повелителя моего, но и въ немъ сомнѣваться не имѣю я причинъ; съ послѣднимъ курьеромъ, правда, получилъ я небольшое противорѣчіе: Его Величество слегка намѣкаетъ, вмѣсто конца, о началѣ войны; но подъ симъ предлогомъ, вѣроятно, разумѣетъ Онъ усилія относительно мирныхъ статей, чтобъ не осрамился я въ изложеніи оныхъ! Склоните, любезный Ларя-стой, Императора вашего на продолженіе хотя маловременнаго терпѣнія, и будьте увѣрены, что не далѣе какъ чрезъ недѣлю, я пріѣду къ вамъ самъ лично, и дѣла пойдутъ, какъ по маслу; въ обезпеченіе сей истины, вы довольно знакомы съ ангельскими свойствами Государя моего, чтобъ судить о состояніи безпредѣльно чувствительнаго сердца сего благодѣтельнаго Мо-

нарха, настоящимъ положеніемъ Россіи крайне растерзаннаго; чуждый мести, подстрекаемый единымъ желаніемъ возвратить подданнымъ счастіе, спокойствіе, и возстановить поколебавшуюся нѣкоторымъ образомъ въ основаніяхъ своихъ славу, — Онъ готовъ съ пожертвованіемъ собственной жизни стремиться къ благотворной цѣли, и сіе высокое чувство Вѣнценоснаго Благодѣтеля народа своего ручается вамъ за скорый конецъ сей пагубной для насъ кампаніи.»

Конча разговоръ, столь дружескій, чистосердечный, выпили, слышь, пріятели, за здоровье другъ друга, шипучаго. Цѣлый вишь часъ прощались, обнимались, насилу де разстались! И Ларястой, какъ индѣйскій пѣтухъ, съ развѣвающимися полами золотомъ шитаго мундира, полетѣлъ въ Москву.

«Добры ребята Смоленская шляхта! самъ Царь похвалилъ, головой покачалъ и трижды плюнулъ!» сказалъ я про себя. — «Вы изволите полагать, Иванъ Григорьевичъ, что ни въ какомъ случаѣ теперь, т. е. въ Россіи, миръ состояться не можетъ?» спросилъ Полковника Штабъ-лекарь. «Вопросъ вашъ тотчасъ разрѣшится,» отвѣчалъ Полковникъ: «Скажите только, согласились ли бы вы, поймавши волка въ тенета или въ капканъ, удовольствоваться одною шерстью, и отпустить хищнаго вреднаго звѣря, не содравъ съ него всей шкурки? Напротивъ того, я полагаю, что, согласясь на миръ, а не предписавъ онаго, трудно бы было согласить выгоды Державъ, подъ желѣзнымъ скиптромъ Наполеона страждущихъ и изъ вѣка въ вѣкъ съ Россіей дружныхъ; кромѣ того, миръ обыкно-

венный съ обоюдными правами слабое принесъ бы вознагражденіе нашему Императору за испытанную непоколебимую въ Немъ твердость, за скользкій, опасный путь, по коему съ Христіанскою покорностію къ Провидѣнію, шелъ Онъ чрезъ все критическое время бѣдственной войны безъ всякаго къ оной со стороны своей повода; за гибельное, наконецъ, положеніе и горькія слезы расхищенныхъ гражданъ, за кровь и исполинскіе труды вѣрныхъ Ему воиновъ! Все это вмѣстѣ, и при величіи духа, въ душѣ непобѣдимаго, но при отеческой любви благодѣтеля Царя къ вѣрноподданнымъ, тяготило драгоцѣнную жизнь Его, лишало сна, покоя и всѣхъ радостей, каковыми, предводимый буйною, дерзкою отвагою, окруженъ былъ врагъ Его; впрочемъ миръ, дѣло, кажется, не

человѣческое. Прочтите Высочайшій Манифестъ, въ началѣ войны состоявшійся: въ немъ горятъ божественныя истины, въ настоящее время почти разгаданныя, и разительно убѣждающія, что сердце Царево въ руцѣ Божіей, и что въ непостижимыхъ нами судьбахъ Вседержителя безъ сомнѣнія опредѣленъ миръ сей съ воздаяніемъ каждому по дѣламъ своимъ. — Покойнаго и пріятнаго сна, господа!» сказалъ Полковникъ, ложась подъ патронный ящикъ. Всѣ разошлись, а я все еще, распяля уши, слушалъ. Разговоръ не на нашу руку, а понятенъ; каждое слово такъ и стучитъ въ сердце. Ну, Бонапартъ, подумалъ я; ужъ по всему видно, что плясать тебѣ Камаринскаго подъ балалайку. Куды, братъ, жаль Свистунова; нельзя не вспомнить; тфу пропасть! какой былъ на балалайкѣ-то

мастерище! на щипокъ злодѣй, по суставчикамъ косточки такъ, бывало, и разбираетъ!

Сей-часъ нашему Полковнику принесли генеральскій чинъ; онъ радъ, а у насъ и ушки на макушкѣ.

ПИСЬМО XVII.

Отъ Кремнева къ безногому инвалиду, Ѳедору Лазареву Ранцеву.

Нижеподписавшійся Кремневъ, слава Богу, живъ, здоровъ, въ арміи, и поспѣлъ еще ко времю: на ловца и звѣрь бѣжитъ! Разставшись съ молодой новобрачной женой, съ родной семьей и съ тобою, другъ сердечный, лишь только вступилъ на большую дорогу, да подошелъ къ станціи, а тутъ и привалила Сибирская почта на четырехъ тройкахъ; смѣкнувши дѣломъ, нутка-сь къ почтальону: не оставьте, батюшка, взмолился я, — прилѣпите къ себѣ стараго солдата, на чекѣ доѣду, не усну и какъ рабъ въ дорогѣ служить вамъ буду; на

святую Русь, вишь Богъ гнѣвъ послалъ, черный годъ пришелъ Царю и подданнымъ: но Богъ милостивъ и сжалится, а люди въ арміи все таки надобны; я гожусь еще воевать съ врагомъ, ремесло это мнѣ не новое. «Сохрани Богъ, отказать тебѣ,» сказали въ одинъ голосъ содержатель станціи и ямщики: «да мы тебя, сударика, въ пазушкѣ довеземъ, давай намъ экихъ людей больше! Нутка-сь вы, разудалые, поворачивайтесь, повеселише, али вы забыли, какъ прежде любили!» прокричалъ одинъ изъ ямщиковъ, усѣвшись на козлы. «Выбирай, братъ служба, любую тройку и садись на любые роспуски,» сказалъ Смотритель: «не изомни только чемодана.»— «Пошелъ!»—прокомандовалъ почтальонъ, и на третій день какъ пишь далъ — я въ Леташевкѣ. Полкъ нашъ впереди, но уже смерклось, вотъ я и пріютил-

ся на гумнѣ, которое занято было конным конвоемъ Главнокомандующаго; унтеръ-офицеръ, увидя меня, распросилъ: откуда и зачѣмъ? взялъ паспортъ, показалъ офицеру, офицеръ снесъ къ Старшему Адъютанту, а Адъютантъ, удержавъ паспортъ у себя, приказалъ пока спросить лично къ себѣ, оставить меня при командѣ. «Къ чему здѣсь такая осторожность?» спросилъ я, ундера; поговоря, ознакомясь и удѣля ему одну изъ сдобныхъ домашнихъ кокурочекъ съ яичкомъ въ середочкѣ. «Осторожность въ военное время душа всей арміи!» отвѣчалъ мнѣ Спиридонъ Матвѣевичъ: «своихъ мы не боимся, изъ Рускихъ вѣрно не сыщется столь гнусный безбожникъ, чтобъ измѣнилъ Богу, Великому Государю и Отечеству. Но въ непріятельской арміи много Поляковъ, которые по-Русски говорятъ

какъ мы съ тобою, и двухъ молодцовъ мы уже подшепетили, пришедшихъ подъ именемъ маркитантовъ съ продажными духами, узнать силу, способы и расположеніе наше. Теперь они разнюхиваютъ въ Сибири золотую руду, и за честь эту должны благодарить осторожность нашего конвоя. У насъ, правду сказать, и у самихъ есть такіе же разудалые, одинъ — то и дѣло что изъ Москвы да въ Москву, а другой у Бонапарта на приспѣшной рубитъ дрова въ самаго вступленія, а какъ тотъ и другой говорятъ на всѣхъ бусурманскихъ языкахъ, такъ немного проходитъ мимо ушей ихъ, чего бъ они не знали и чего бъ, слѣдовательно, не вѣдали наши начальники.» — «А буде ихъ откроютъ, что тогда будетъ?» спросилъ я. — «Тогда ихъ повѣсятъ, и болѣе ничего не будетъ.»

Признашься, брашъ, Лазаревичъ: шеперь шолько узналъ я, чшо значишъ война въ родной сторонѣ; здѣсь мало храбрости, шепнуло мнѣ сердце! Безъ ума голова шебала, а безъ храбрости шоже плохо, проворчала душа; иной, чшобъ прослышь храбрецомъ, вѣкъ свой хлопочешъ, а успѣху нѣшъ! знаюшъ и не вѣрящъ; бѣда, да и шолько! «Борисенко! на случай нечаяннаго выступленія, назначь одну изъ заводныхъ лошадей Кремневу, съ шѣмъ, однако жъ, чшобы онъ велъ еще двухъ, чрезъ чшо однимъ гусаромъ будешъ у насъ въ строю больше.» Съ симъ распоряженіемъ Спиридона Машвѣевича, я уснулъ сномъ мершвымъ

ПИСЬМО XVIII.

Въ полночь полученъ приказъ быть въ готовности, и чрезъ нѣсколько минутъ всѣ Генералы, офицеры и конвой стояли уже предъ квартирою надежды Бѣлаго Царя и всей Россіи, Кутузова, который вскорѣ и самъ вышелъ; ему подвели лошадь подставили скамеечку, онъ сѣлъ и поѣхалъ къ бивакамъ; ночь была темная, ѣхали тихо; ни кто словечка не промолвилъ; но у самаго лагеря встрѣтились намъ конные артиллеристы съ заводными лошадьми.—«Куда вы?» спросилъ Свѣтлѣйшій.—«На фуражировку,» отвѣчалъ офицеръ.—«Что за вздоръ! быть не можетъ!»—«Точно такъ, Ваша Свѣтлость.»—«Да что дѣлается въ лагеряхъ?»

«Тамъ все тихо».—«Вѣрю, теперь не до того, чтобъ играть въ чехарду, но войска готовы?»— Офицера взяло раздумье; онъ не зналъ, что сказать, и послѣ многихъ вопросовъ, молвилъ, что войска спятъ.

Между тѣмъ, какъ зашла и продолжалась рѣчь, Адъютанты бросились на биваки, и возвратясь, доложили Дежурному Генералу, Коновницыну, что войска... спятъ!... и... батюшки свѣты, словно котелъ закипѣлъ Кутузовъ. «Сей-часъ,» закричалъ онъ: «сей-часъ нарядить слѣдствіе, сыскать и представить ко мнѣ виноватаго, кто бъ онъ ни былъ!» Не знаю, чѣмъ кончилась суматоха, и куда, (на своихъ уѣхалъ, или на казенныхъ) улетѣлъ виноватый; только вотъ что порасказалъ мнѣ Спиридонъ Матвѣевичъ. Нынѣ съ разсвѣтомъ, дискать,

велѣно всѣмъ войскамъ невзначай напасть на непріятелей, задать имъ перцу и растрепать ихъ въ клочки, но бумага о семъ, отъ Свѣтлѣйшаго въ лагерь кому-то посланная, пропала, а видно-де изъ рукъ нечитанная въ карманъ попала, проспала, и все дѣло испортили! Уголовная бѣда! за это и повѣсить, такъ все еще будетъ мало.

Возвратясь въ Леташевку, меня повели къ старшему Адъютанту Маіору Настругову, который, похваля добрую во мнѣ волю, спросилъ: «гдѣ желаю служить?—«Въ прежнемъ полку,» отвѣчалъ я.—«Съ Богомъ, вотъ тебѣ повелѣніе объ опредѣленіи и красненькая ассигнація, чѣмъ жалуетъ тебя Государь за усердіе твое. Я увѣренъ» примолвилъ онъ,—«что милосердіе и святая справедливость Провидѣнія сохранитъ жизнь твою, къ счастію и

пользамъ оставленнаго тобою семейства; жертва твоя многихъ бы пристыдила, если бы можно было заглянуть въ души, и подъ нашими мундирами гнѣздящіяся.» Съ симъ словомъ онъ поцѣловалъ меня и отпустилъ. Ужъ подлинно отецъ и командиръ Адъютантъ этотъ, подумалъ я.

ПИСЬМО XIX.

Наконецъ, я посреди любезныхъ моихъ товарищей. Душа моя млѣетъ отъ радости, видя живыхъ здоровыми и слыша, что убитые легли не даромъ и не прежде, какъ заплатили нехристямъ за оскорбленіе Божіихъ храмовъ безъ недоимки; но особенно заставляетъ меня радоваться скромность моихъ дѣтокъ; никто про себя не говоритъ, и что захочу знать, Еремѣя спрашиваю про Карпа, а Сидора про Кузьму. Ужъ это давно замѣчено: кто кричитъ, что онъ храбрецъ, пиши смѣло, что трусъ. Ты вмѣстѣ со мною читалъ грамотки Ручкина, который хвалилъ другихъ, а о себѣ ни полуслова, но что же выходитъ? Въ сраженіи подъ Бородинымъ, когда до-

шло до рукопашнаго бою, и когда Полковникъ, схвативъ ружье, бросился впередъ, на него напали два Француза, и одинъ только мигъ оставался до неминучей смерти. Ручкинъ, увидя опасность Полковника, стремглавъ подлетѣлъ на спасеніе, одного бусурмана закололъ съ разу, а отъ другаго, заслоня собою Полковника, получилъ толчекъ въ спину штыкомъ, который, къ счастію на ребрѣ свихнулся и вышелъ насквозь въ лѣвый бокъ позадь кожи. Въ это время Французъ, будучи убитъ, выпустилъ ружье, которое держалось на штыкѣ. Но только что вынули у Ручкина смертоносное оружіе, онъ кинулся къ опередившимъ его товарищамъ, и будучи счастливѣе другихъ, закололъ еще трехъ Французовъ.

Главнокомандующій 1-ю Арміею, Барклай де Толли, увидя подвигъ Ручкина,

который былъ запачканъ съ ногъ до головы въ своей и непріятельской крови, подозвалъ его къ себѣ, надѣлъ ему крестъ и поздравя унтеръ-офицеромъ, приказалъ итти на перевязку. Благодарю Бога, что ему приказали; иначе онъ бы не пошелъ и однимъ сынкомъ у меня еще было бы меньше. При отступленіи Полковникъ взялъ его на дрожки, но чрезъ пять дней, полагая, что Москву будутъ защищать, онъ былъ уже во фронтѣ.

Другому, Сучкову, оторвало обѣ ноги; его хотѣли нести назадъ. «Напрасный трудъ, ребята,» сказалъ Сучковъ: «жить мнѣ нельзя; да я и самъ не хочу, тяжка жизнь безногому; но въ сумѣ моей остались еще патроны; надобно, чтобы они пошли въ дѣло; посадите меня, ради Бога, возлѣ батареи на пригорочекъ, чтобъ мнѣ лов-

чѣе было цѣлить въ супостатовъ. Желаніе храбраго безногаго товарища исполнено, и онъ дѣйствительно 18 выстрѣловъ сдѣлалъ, но ни разу не охнулъ. По окончаніи сраженія, когда раненыхъ сбирали, душа Сучкова была уже въ небесахъ.

Помолясь о душѣ покойнаго Сучкова, я прижалъ къ ретивому сердцу Ручкина, и расцѣловалъ молодца, какъ влюбленная невѣста красавца жениха; да ужъ не вытерпѣлъ, поцѣловалъ кстати и штыкъ, которымъ онъ работалъ. Вотъ вещь драгоцѣнная! жизнь свою прозакладую, что штыкъ выдумалъ человѣкъ, у котораго натура была Русская, до смерти люблю! — и лишь возьму въ руки друга, вся кровь во мнѣ закипитъ; того и гляжу, что кости сварятся, и въ гробъ легъ бы со штыкомъ, коли бъ можно было!

ПИСЬМО XX.

Поздравь, братъ Лазаричъ, меня съ обновкой; сей-часъ только кончилась при Тарутинѣ славная потасовка, баталія была прямо молодецкая! — Ну будь ты семи пядей во лбу, а лучше бы не вздумалъ, какъ Бениксонъ, который, помнишь, былъ въ Пруссіи Главнокомандующимъ, и который теперь располагалъ сраженіемъ. Кутузовъ призвалъ его къ себѣ, да и сказалъ ему: теперь начинается новая война, и первый изъ созрѣвающихъ плодовъ, мудрою политикою Русскаго Императора произращенныхъ, я вручаю тебѣ; возьми войска, да возьми себѣ и сторожевые непріятельскіе полки, противъ насъ расположенные; я дарю ихъ тебѣ, вмѣстѣ

и съ Королемъ, который ими командуетъ. Утѣшь батюшку Царя — а я — въ сторонѣ!»

Съ вечера Бениксонъ съ Генераломъ Толемъ написали, какъ дѣлу быть, а съ разсвѣтомъ и хлынула вся армія! Напала, растрепала и задала бусурманамъ такой трезвонъ, что любо два и дорого! Тысячъ десятокъ положили мы на мѣстѣ, 22 пушки, да тысячъ шесть плѣнныхъ прибрали къ себѣ въ лапы.

Кутузовъ ни во что не мѣшался: смотрѣлъ только и восхищался, какъ мы Московскихъ гостей подчивали и угощали! Король улепетнулъ съ немногими; а Бениксонъ словно мѣдный грошъ переплавился — помолодѣлъ! — И дѣльно, онъ старикъ хватскій! — Но начальники, братъ Лазаричъ, у насъ всѣ люди ди-

ковинные! — Богъ ихъ бережетъ, — а они себя вовсе не жалѣютъ! чуть гдѣ огонь посильнѣе — или наши попятились, они ужъ тутъ, и не вѣрится, какъ поразскажутъ про Барклая, Раевскаго, Докторова, Коновницына, Остермана, Ермолова, Паскевича, Палена и про другихъ прочихъ Генераловъ, какъ они проказничали подъ Бородинымъ; ихъ, слышь, и не ищи, гдѣ нѣтъ свинцоваго граду; у Барклая-то перебили всѣхъ Адъютантовъ, всѣхъ ординарцевъ и весь конвой; а онъ? что ты думаешь? сотретъ съ лица пыль, понюхаетъ не торопясь табачку, дастъ коню шпоры, да и брызнетъ стремглавъ, гдѣ и мухамъ жудко!... А отъ старыхъ и молодые учатся!... Въ гвардіи есть Полковникъ Быстрой (*) — дѣтина, какъ

(*) Бистромъ.

будто на заказъ сдѣланъ, кровь съ молокомъ; онъ съ егерями у Бородина защищалъ вишь мостъ; я нарочно ходилъ взглянуть на него: ну, сущій, братъ, орелъ! а натура-то у него, кажись, львиная; въ сраженьѣ, говорятъ, ужасъ какъ страшенъ; землю, слышь, такъ дерма и деретъ; лишь завидитъ нехристь, волоса всклочены словно овинъ: нарочно не стрижется и не чешется; глаза какъ казацкая пика, и у кого знашь душенка-то пуховая, на сквозь такъ и лѣзутъ; грудь широкая, а въ плечахъ? ни дать ни взять, Илья Муромецъ! — «Въ штыки!» — заревѣлъ вишь онъ, какъ Французы вскочили на мостъ, и пошла потѣха! Одинъ егерь немного пріотсталъ; Быстрой тотчасъ схватилъ его на руки, и какъ молнія бросился впередъ. «Вотъ твое мѣсто! бей и коли встрѣч-

наго и поперечнаго!» сказалъ онъ, поставя егеря къ Французскому носу; егерь пріосамился, пріободрился, и Французскій носъ на семъ свѣтѣ табаку ужъ болѣе не нюхалъ!

Потеря наша подъ Тарутинымъ велика тѣмъ только, что убитъ храбрый Корпусный Генералъ Багговутъ, о которомъ плачутъ офицеры и солдаты: предобрѣйшій былъ-де комендиръ! Вотъ, братъ — какъ эти чудаки служатъ: лишь разстегнули у покойнаго мундиръ, а въ боковомъ карманѣ и лежитъ письмо къ самому Государю, гдѣ онъ молится, не оставить хозяйку и сиротъ его! Стало быть сердечушко чуяло невзгоду? а вильнуть душею, какъ сынъ Церкви, Багговутъ не хотѣлъ.

Видя столь воистину Христіанскіе примѣры, скажи, Лазаревичъ, по

правдѣ, приходится ли нашему брату разсуждать о жизни? Такъ пусть будетъ, какъ угодно Богу, но я лишь первый выстрѣлъ, пошелъ впередъ, а тамъ, куда бъ кривая ни вынесла!

Кутузовъ хоть и не близко стоялъ, а чугунныя просвирки и къ нему долетали. При Главной квартирѣ больно скучаютъ объ артиллерійскомъ офицерѣ Безобразовѣ, который былъ на ординарцахъ и убитъ здѣсь же; молодъ, а уменъ-де былъ покойникъ, и обѣщалъ въ себѣ залихватскаго парня.

Вскорѣ, чрезъ прискакавшаго курьера, получена здѣсь лакомая вѣсточка, что Графъ Витгенштейнъ въ этотъ же самый день разбилъ Французовъ у Полоцка, перелетѣлъ чрезъ Двину и взялъ городъ штурмомъ; вездѣ слышны одни слова: «ляжемъ костями, но не осрамимъ земли Русской.» У Вит-

генишейна есть какой-то Бибичь (*), не велика-де птичка, а ноготокъ востеръ.

«Посмотримъ,» говоритъ Капитанъ (у котораго я сегодня для посылокъ), «что-то теперь выкинетъ Бонапартъ? Хоть на выдумки онъ и востеръ, но придется молодцу верхнимъ-то концемъ грѣшнаго тѣла чухвиснуть въ низъ, да попроситься у Русскаго Царя въ домовой отпускъ; а не то, не миновать-де ему Сухаревой башни.

(*) Дибичъ.

ПИСЬМО XXI.

Вчерась полученъ приказъ, чтобъ не пѣшкомъ итти, а летѣть на новую Калужскую дорогу. Бонапарту черныя книги сказали вишь, что онъ съ арміей благополучно пройдетъ домой чрезъ Кіевъ, а нашъ бравый наѣздникъ Всеславинъ и безъ книгъ смѣкнулъ, куда онъ гнетъ и тянетъ, тотчасъ прислалъ вѣсть; а тутъ, какъ тучи и понеслись, одинъ за другимъ всѣ корпуса, послѣ и Кутузовъ съ гвардіей. Бонапартъ лишь къ Ярославцу.—«Шалишь, Наполеонъ! это не прежняя пора, я те выхвачу всѣ зубы вонъ!» сказалъ Дохтуровъ! — «Бей, ребята, не на животъ, а на смерть!» подхватилъ подоспѣвшій Раевскій!—«Тебя или

меня здѣсь прикроетъ мать сыра земля, но безъ того Калуги не увидишь, другъ сѣрый,» молвилъ прибывшій Кутузовъ — и . . . забурлили, забушевали Сибирскія чугунныя яйца, засвистали свинцовые орѣхи; ты безъ труда угадаешь, любезный Лазаревичъ, каково Русскіе дрались, если поразсудить: кто изъ чего хлопоталъ, и кто чего хотѣлъ. Французы врывались въ сторону, въ которой хлѣбъ-соль богатая, и чрезъ которую могли бъ они пройти домой припѣваючи; а мы поворачивали ихъ на разоренный путь, по которому ворвались, на которомъ зубовъ почистить не чѣмъ, и гдѣ смерть съ косою и съ сѣкирою ждала нехристей, какъ голодная собака сальнаго куска; изъ нихъ каждый видѣлъ свою собственную бѣду, и на смерть лѣзъ, избѣгая смерти. Мы за

себя не боялись: умирали за родной свой край, не менѣе, чтобъ отмстить врагамъ за оскверненіе храма Бога и за тяжкое горе батюшки Бѣлаго Царя, желая притомъ избавить досужихъ пріятелей отъ труднаго похода за море, чтобъ и другому не повадно было; неравно вздумалъ бы залетѣть къ намъ такой же Янька съ золотыми пуговками!

Теперь ты видишь прямое дѣло, и знаешь, почему Французы въ Маломъ Ярославцѣ дрались, какъ дикіе звѣри; но въ долгу и мы не остались: они съ нами, а мы съ ними, въ улицахъ города такъ перемѣшались, что ружейный огонь по неволѣ прекратился. Зачѣмъ же стало? принялись въ штыки, — въ ручную, подъ микитки, а наконецъ вцѣпились и въ виски; одиннадцать разъ мы очищали Ярославецъ;

одиннадцать разъ Французы врывались въ городъ! Весь день, весь вечеръ провозились мы зубъ къ зубу, носъ къ носу, и въ глухую только полночь, какъ зги Божіей не видно стало, выбившись изъ силъ, кому гдѣ пришлось, тутъ и прилегъ; ко многимъ изъ насъ приказъ начальства вовсе не доходилъ, и нельзя было, потому, что въ однихъ улицахъ Французы были ближе къ нашей арміи, а въ другихъ наши стрѣлки лежали вплоть къ ихъ бивакамъ; но лишь забрежжало, всѣ встрепенулись, всѣ снова бросились — къ буйнымъ головамъ, къ святымъ волосамъ, и грудь только да подоплека всю сють знаетъ, да и ввѣкъ Малаго Ярославца не забудетъ! У меня, братъ, и теперь еще сысалы распухли, а зѣвальцо-то, кажись, и поднесь не на мѣстѣ. — Въ этомъ сраженіи, ужасъ

какъ исковеркали Генералу Дорохову ногу, — не жить, чай, сердечному!

Бонапартъ повелъ было нѣсколько колоннъ въ атаку; всѣ думали, что будетъ вновь жаркое дѣло! Кутузовъ и Государю, вишь, чрезъ Полковника Жареднаго (*) донесъ, что безъ генеральскаго (**) сраженія непріятеля въ Калугу онъ не пуститъ; но видно не съ той ноги кума плясать пошла: войска наши стояли въ боевомъ порядкѣ, словно на смотру; все было живо, весело, здорово; всѣ надѣялись, никто не сомнѣвался, и въ глазахъ каждаго солдата можно было прочесть: побѣда! Наполеонъ смѣкнулъ, что дѣло плохо, и поворотя на право кругомъ, пустился безъ оглядки на Боровскъ и Вязьму. Говорятъ, что Кутузовъ, за-

(*) Жандра.

(**) Безъ генеральнаго.

мѣтя отступленіе Французовъ, помолясь Господу, первѣйшему Спасителю Россіи, сказалъ: «Аминь! Богу слава, а тебѣ, братъ, неугомонному дитяткѣ, всемірному завоевателю, вѣчная память! Теперь ужъ ты для меня легче пуху! Матвѣй Ивановичъ и Михайло Андреевичъ!» молвилъ онъ Платову и Милорадовичу: «провожайте гостей нога въ ногу; а мы проселочными дорогами забѣжимъ впередъ, и, гдѣ придется, приготовимъ, чѣмъ Богъ пошлетъ, важный пиръ.»

ПИСЬМО XXII.

Въ одно и то же время, какъ непріятельская армія брызнула на утечку, пошли и мы проселочными дорогами къ Смоленску, но проходя въ Ярославцѣ мимо монастыря, ужаснулись, увидя не только ограду, Божій храмъ, но даже и святыя иконы пулями и ядрами въ щепу разстрѣлянныя! Богъ попущаетъ злодѣя на всѣ беззаконія, но поглядимъ, какой конецъ будетъ! Изъ Москвы получена вѣсточка, что Генералы Иловайскій и Бенкендорфъ, въѣхавъ съ летучими командами и казаками еще при остававшихся въ ней Французахъ, растормошили ихъ по-свойски, отбили тысячъ пять человѣкъ въ плѣнъ и болѣе десяти пушекъ.

Нѣсколько батальоновъ посланы вишь были съ нашими плѣнными прямо по большой Смоленской дорогѣ, въ числѣ плѣнныхъ былъ Генералъ нашъ, Баронъ Винцовогородѣ (*) и Полковникъ Нарышкинъ; бѣдняжекъ гнали безъ сна, безъ пищи, и одна скорая смерть казалась отрадою, но Богъ, къ спасенію ихъ, послалъ ухарскаго наѣздника Чернышева, имѣвшаго подъ командою летучій отрядъ залихватскихъ удальцовъ; онъ лишь пронюхалъ, что наши въ горяхъ и въ неволѣ, стрѣлой примчался и дѣло-то выворотилъ съ изнанки на лицо: Русскіе страдальцы запѣли: *Взбранной воеводѣ побѣдительную*! а пришлецы обратились въ прахъ.

Хвалиться, братъ, и намъ нечѣмъ;

(*) Винцентероде.

правду сказать, не масляница и для насъ была! Верстъ по шестидесяти откатывали мы въ сутки, чтобъ не опоздать на встрѣчу; но Французовъ подъ часъ и жалко было! словно въ ящикѣ злокоманные двигались; нельзя имъ было за нуждой отворотиться безъ опаски; ужъ о томъ не говорю, что Платовъ съ конницей, Милорадовичъ съ пѣхотой, Графъ Орловъ съ отрядомъ, наѣздники съ командами и съ отвагой на каждомъ шагу, или заграждали имъ путь, или, догоняя, заставляли останавливаться и огрызаться; но мужики, бабы и даже ребятишки, Богъ вѣсть откуда, словно саранча налетали, и на ружейный только выстрѣлъ — безъ угомону ихъ тревожили, а чуть кто отдѣлился, и поминай какъ звали! У Колоцкаго монастыря, Бонапартъ попробовалъ было оста-

новиться, и за грубость, вишь, хотѣлъ поколотить Платова; но заплатя ему безчестья 62 пушки, прокомандовалъ: шире шагъ!

Но вотъ ужъ мы поравнялись съ Краснымъ, а пальба слышна на большой дорогѣ позади насъ. — «То-то, ребята, потѣшимся!» заговорили офицеры, которые, отъ самаго Ярославца ни разу не были въ избѣ и зябли вмѣстѣ съ нами, «*одѣялась свѣтомъ яко ризою!*» Осень, какъ нарочно, наступила прехолодная; частенько перепархивалъ снѣжокъ, поля уже забѣлѣлись, а у насъ подъ часъ не было дровъ, чтобъ кашу сварить; и ихъ благородія не на шутку поизветошали; другіе (знать новички) и хлѣбцомъ не запаслись; деньги-то и есть, а купить не у кого; маркитанты къ намъ рѣдко доѣзжали; лишь появятся съ провизіей, заднія

войска на расхватъ и подымутъ; ну вотъ и кормишь ихъ своими сухарями! Грызутъ любезные, да еще и похваливаютъ! И грѣхъ и смѣхъ, бывало, съ этими дворянчиками! — а храбры пострѣлята, да за то вѣдь и любишь!

ПИСЬМО XXIII.

За городомъ Краснымъ, при селеніи Добромъ, лишь успѣли одну часть арміи растянуть какъ тенёта, другую разбросать по разнымъ мѣстамъ, чтобъ можно было давать помочь, гдѣ нашимъ придетъ не въ моготу, Бонапартъ и нахлынулъ; да какъ завидѣлъ, что его объѣхали, вотъ онъ и ринулся, чтобъ прорвать и провалить прямо грудью! Но прямо стояла грудь Русская! Сухи, братъ, орѣхи, неравно испортишь зубы! Онъ открылъ со всѣхъ сторонъ адскую пальбу; земля, кажись, застонала и небо загрохотало; но вездѣ Русскіе огонь выдержали, всюду молодецкимъ штыкомъ напоръ остановили, и вдругъ во всей линіи

попятили назадъ! Вотъ тутъ, чай, и по неволѣ Бонапарту померещилась старая пословица: всякой сверчокъ, знай свой шестокъ; какъ бы сидѣлъ дома, незналъ бы горя, а теперь какъ быть, куда дѣваться? Шахъ и матъ! кричали наши начальники! Долго еще онъ суетился, и туда и сюда кидался, но видно ужъ зашелъ умъ за разумъ, да и машина-то не хватила.—«Капутъ!» сказалъ вишь онъ, задалъ коню шпоры и удралъ прямо въ Оршу, оставя корпуса спасаться, какъ Богъ по сердцу положитъ; а тутъ случись же на бѣду, что Милорадовичь имянинникъ; нѣкоторые полки, въ командѣ его бывшіе, какъ водится, поздравили любимаго, знаменитаго своего Генерала съ днемъ Ангела; онъ хвать въ карманъ, а денегъ ни алтына. «Дарю вамъ, друзья, вотъ эту непріятельскую колонну, (не

въ далекѣ бывшую); она ваша, товарищи!» сказалъ Милорадовичъ. — «Ура!» раздалось въ воздухѣ. Не успѣли трехъ перечесть, а колонны, какъ будто не бывало. «Важная продѣлка!» закричали солдаты иныхъ корпусовъ (у которыхъ разгорѣлись зубы): «да вѣдь и наша денежка не щербата! мы-то чѣмъ же согрѣшили?» Дошло, братъ, и до ропоту; что дѣлать? Тотчасъ всѣ начальники назвались имянинниками, и грозная, страшная предъ симъ Наполеонова армія обратилась въ имянинные подарки! Царица небесная! какихъ чудесъ на бѣломъ свѣтѣ не бываетъ? («Это значитъ: кошкѣ игрушки, а мышкѣ слезки!» сказалъ Вавила Пафнутьичъ, стоявшій за версту отъ дѣла съ церковными книгами въ котомкѣ чрезъ плечо.) — Чудное, братъ, Лазаревичъ дѣло! вѣдь Фран-

цузы какими были, таковы и есть! Бусурманъ умираетъ, а ногой все дрягаетъ; ружье-то у него въ рукахъ такое же, не болваномъ онъ стоитъ, штыкомъ также какъ и я работаетъ, а все не то; даренаго-то заколешь какъ-то и смѣлѣе и ловчѣе. Досталось, братъ, невѣсткѣ на отместку, и если изъ числа пришедшихъ сюда непріятельскихъ войскъ спаслась половина, то конечно не въ колонцахъ и даже не въ кучкахъ, но просто въ разсыпную, къ чему пособляли имъ лѣсъ и рѣка, которая только что замерзла и чрезъ которую переходя, многіе потонули; наше дѣло было, по старому повѣрью, разбить въ пухъ, а для убѣгающихъ были казаки, которые въ цѣлый день не переставали доставлять отбитыя пушки, знамена и дру-

гіе прочіе военные снаряды! Но о плѣнныхъ и говорить не стоитъ.

Передъ вечеромъ Кутузовъ объѣхалъ всю армію, благодарилъ каждый полкъ порознь; но вотъ къ слову пришлось: а благодарить онъ куды мастеръ; такъ и вытянетъ душу на самой кончикѣ носа! Слушаемъ, не дышимъ и ногъ подъ собой не слышимъ; вѣдь создастъ же Богъ экаго человѣка! Онъ, право, дня два, три прокормитъ добрымъ, Русскимъ привѣтливымъ словомъ, за которымъ въ карманъ, какъ говорится, не лазитъ, и къ солдатскому сердцу большую дорогу знаетъ.

ПИСЬМО XXIV.

У Гвардіи Кутузовъ лишь слѣзъ съ коня, да сѣлъ у огонька на барабанъ — и облѣпили старика Генералы, Штабъ и Оберъ-офицеры, всѣ гвардейскіе солдаты; и я подъ шумокъ пріютился туда же. Спаситель отечества (какъ стали называть его всѣ, большіе и малые), оконча благодарность къ разнымъ окружающимъ его лицамъ, молвилъ: «За всѣ послѣдствія, столь счастливыя и блестящія, послѣ Бога, обязаны мы геройской твердости Государя Императора; примѣра еще не было въ Исторіяхъ Державъ, чтобъ кто либо предупредилъ равномѣрно постояннымъ (и выше человѣка поставившимъ его) самоотверженіемъ.» Рѣчь сію перервалъ

Казачій Полковникъ Лазаревъ, привезшій отъ Атамана Платова какой-то Маршальскій жезлъ, у непріятеля отбитый, который радости не прибавилъ, но разговоръ перемѣнилъ.

— «Вотъ минута, въ которую Армія Благословеннаго Александра точь въ точь подобна торжествующему ополченію Димитрія Донскаго на Куликовомъ полѣ!» сказалъ Генералъ Лавровъ; съ симъ вмѣстѣ ура! огласилось въ Гвардіи; ура! пронеслось по всей Арміи; ура! повторилось на всѣхъ пикетахъ, во всѣхъ обозахъ и, переливаясь отъ одного къ другому Русскому, отозвалось и въ передовыхъ сторожевыхъ полкахъ.

Если ты не знаешь, что́ такое Куликово поле, что́ Димитрій Донской и Мамай, Царь Татарскій, то попроси растолковать себѣ соборнаго Про-

топопа; нынѣ ихъ всему учатъ, а насъ, братъ, съ этой сладкой Русской былью давно уже познакомилъ Генералъ, который, если послужитъ въ полку еще годъ, другой, такъ можно отвѣчать, что солдаты будутъ вѣдать, кто, когда завоевалъ Царьградъ и сколько лѣтъ Греки страдаютъ въ неволѣ, не имѣя власти въ собственныхъ женахъ, чѣмъ хотѣлъ было Бонапартъ обездолить и насъ грѣшныхъ!

Часъ битый гремѣло ура! шапки гвардейскихъ солдатъ взлетали къ облакамъ, на лицѣ каждаго Русскаго словно напечатано было: Христосъ воскресе! Весело! мило! — Да о чемъ же изъ глазъ слезы ручьемъ текутъ и у Фельдмаршала и у насъ? спросилъ я у гвардейскаго унтеръ-офицера, аршина въ три ростомъ, который, рыдая, всхлипывалъ.—«Хорошъ ты, если не

плачешь, мокрая курица!» сказалъ мнѣ великанъ, (кинувъ взоръ къ своему тесаку, съ которымъ равнялась моя голова, и которую я нарочно опрокинулъ назадъ, чтобъ онъ увидѣлъ мои слезы и не далъ бы туза!):—«ты слышишь, что рѣчь зашла о святой старинѣ,» продолжалъ великанъ:—«не мы первые спасаемъ святую Русь? Покойные дѣды и прадѣды наши не хуже насъ управлялись и съ дикою Чудью и съ заморскою сволочью, а не такъ,—гдѣ бы намъ быть на бѣломъ свѣтѣ! Свое родное дорого; ты видно забылъ, какъ Москву-то отдавали?—Тутъ, братъ, такъ схватило за животъ и такой задало трезвонъ душѣ и сердцу, что и небо съ овчинку показалось. «Съ послѣднимъ словомъ схватилъ великанъ горсть земли пополамъ съ снѣгомъ и, цѣлуя оную, примолвилъ: «Вотъ она, матушка,

Русская земля, холодна — да своя родная! Не надо мнѣ и Царскихъ палатъ за-моремъ; не тронь моей курной избы! я Русской, и счастливѣе быть не хочу....» — Но кончить всю рѣчь его — и языкъ бы не поворотился.

Вѣдь дернула же меня нелегкая, завесть съ пострѣломъ разговоръ, думалъ я: голосъ, какъ сатана изъ бочки лѣзетъ; весь затрясся, на глазахъ, вмѣсто слезъ, кровь выступила; ну такъ, что во мнѣ всѣ жилки затрепетали; того и гляжу, что, вмѣсто Француза, скорчитъ онъ въ три погибели меня горегорькаго; по счастью, Свѣтлѣйшій всталъ, великанъ оборотился въ ту сторону, а я, поджавши хвостъ, нутка-сь къ своему ранцу безъ оглядки и.... насилу опомнился; ужъ весела была бесѣда! есть чѣмъ помянуть чадушку,—демонъ сущій, про-

сти Господи! Ну сохрани Царица Небесная, коли бъ и Французы-то эдакіе же были!

ПИСЬМО XXV.

«Здравствуйте, отецъ и командиръ!» сказалъ нашему Генералу подъѣхавшій къ полку на походѣ, знакомый Адъютантъ Кутузова: «поздравляю съ прошедшими имянинами и знаменитою побѣдою!»—«Благодарю, любезный землякъ, и радуюсь, что вижу васъ послѣ вчерашняго пира, который безъ сомнѣнія недешево намъ стоитъ,» молвилъ Генералъ.—«Напротивъ: наша потеря весьма незначительна,» продолжалъ Адъютантъ: «убитъ Л. Гв. Егерскаго полка Полковникъ Графъ Грабовскій, а офицеровъ и нижнихъ чиновъ болѣе легко раненыхъ, потому, что дѣло началось и кончилось почти на однихъ только

штыкахъ, а на штыкахъ мы — старые прослесари (*).»

«Можно ли спросить не о томъ конечно, сколько убитыхъ, которыхъ счесть нельзя и не стоитъ, но сколько взято Французовъ въ плѣнъ, и какіе отбиты трофимы (**)?»

«Извините, Ваше Превосходительство! Чтобъ исчислить все это въ настоящее короткое время, не пособитъ ни какая мати-мачиха (***); и теперь еще гонятъ плѣнныхъ, какъ стада овецъ; везутъ и несутъ трофимы, какъ въ дождливое лѣто грибы; а потому дѣло сіе окончательно возложено на Вертеля (****), какъ Военнаго Начальника въ Смоленскѣ. Но

(*) Профессоры.

(**) Трофеи.

(***) Математика.

(****) На Эртеля.

намъ предстоитъ другой, не менѣе торжественный праздникъ: вы знаете, что Адмиралъ Чичаговъ имѣетъ достаточныя средства пресѣчь Наполеону отступленіе, о чемъ въ ночь еще посланы къ нему въ разныхъ направленіяхъ три фельдъегеря, съ повелѣніями Фельдмаршала, которыя, если получатся во время и исполнятся въ точности, мы будемъ имѣть удовольствіе угощать побѣдителя Меропы (*) на Русскихъ бивакахъ.»

— «Солдатскою тюрею,» подхватилъ Генералъ. — «Помилуйте:» продолжалъ Адъютантъ: «его же добромъ, да ему же и челомъ; у насъ теперь, благодаря успѣхамъ оружія и чутью славныхъ Донцевъ, отличные Парижскіе повара и какъ закромъ полная кухня;

(*) Европы.

можемъ даже позаимствовать и походную Его Французскаго Величества серебряную посуду, въ казацкіе фуражныя торбы переселившуюся, лишь бы пожаловалъ, да попался въ руки, а за нами дѣло не станетъ: тотчасъ изготовимъ, какое изволитъ хрюкасе (*); впрочемъ, я столько убѣжденъ въ этомъ событіи и полагаю оное такъ вѣрнымъ, какъ и то, что вы съ полкомъ вашимъ будете сегодня ночевать на снѣгу въ полѣ, а я на навозѣ въ коровникѣ; на станціи нѣтъ ни одной пустой избы, кромѣ бывшей квартиры Наполеона, и занятой Фельдмаршалу; всѣ рѣшительно наполнены умершими, смрадными и умирающими Французами; по счастію, горе сіе утопаетъ въ душевной радости, возникшей изъ пре-

(*) Fricassé, фрикасе.

восходнѣйшаго и богатѣйшаго источника, явно предсказывающаго намъ участь Французскаго Императора, долженствующаго соединиться съ нами, если не душой, такъ тѣломъ; т. е. если не собственной персоной, такъ всей своей арміей.» — «Нельзя ли и насъ сдѣлать участниками?» сказалъ Генералъ. — «Съ удовольствіемъ,» отвѣчалъ Наструговъ.

—«Изъ памяти и сердца каждаго Россіянина-Христіанина, до послѣдняго зѣвка не изгладится конечно Манифестъ 6-го Іюля сего года. — Но нельзя не повторить важнѣйшихъ и безъ сомнѣнія по вліянію свыше помѣщенныхъ въ немъ словъ: «Дотолѣ не «вложу меча моего во влагалище, доко«лѣ не сотру съ лица земли врага, дерз«нувшаго войти въ предѣлы мои.....» «На начинающаго Богъ.» — Это первое.

«6-го Августа сего 1812 года, когда Смоленскую Божію Матерь, при неизбѣжной опасности, выносили изъ собора къ Арміи, по желанію народа, въ большомъ количествѣ стекшагося, на городской площади отправленъ былъ молебенъ; и только что Священникъ, читавшій Св. Евангеліе 4-е Луки, успѣлъ заключить оное словами: «*пребысть же Маріамъ съ нею яко три мѣсяцы и возвратися въ домъ свой*,» въ тужъ минуту загрохотали убійственныя орудія, посыпались ядра, и народъ стремглавъ разбѣжался, унося съ собою послѣдніе звуки пастырскаго голоса: «*яко три мѣсяцы и возвратися въ домъ свой!*» Это другое.

«Наконецъ, 6-го Ноября, сего жъ самаго 1812 года, слѣдственно чрезъ три мѣсяца ровно, Смоленская Божія Матерь внесена въ предмѣстіе Смо-

ленска, и на другой день съ приличными почестями водворилась по прежнему въ Смоленскомъ Соборѣ! Теперь, послѣ третьяго, положите руку на сердце и скажите всѣ крещеные люди, всѣ добросовѣстные образованные Христіане: не видите ли, не чувствуете ли вы движенія Всесвятой, Всеблагой и Всесильной десницы Царя Царей, Всемогущаго Бога, опредѣляющаго грядущую будущность Александру и Наполеону?»

— «Я васъ понимаю, Іона Никитичъ,» подхватилъ Генералъ,—«и смѣло вмѣсто васъ договариваю: что развращенному только полу-Русскому, полу-Французу, слѣдственно болѣе нежели полускоту, менѣе нежели полу-человѣку, свойственна дерзость, брызнувъ желчью на священные уставы Вѣры, мечтать, что столь очевидныя, явныя дѣйствія

Творческой воли суть игра слѣпаго, неопредѣленнаго случая. Чувства мои, съ избыткомъ пораженныя удивленіемъ и благоговѣніемъ, постигая важность торжествующей Религіи, рѣшительно согласны съ вашими, любезный землякъ, и послѣ свершившагося слова Бога, исполнятся безъ сомнѣнія слова и Царя Помазанника его.»

—«Ура! отецъ и командиръ! честь и слава сердцу вашему!» прокричалъ Наструговъ и исчезъ; Генералъ тоже уѣхалъ впередъ, а мы версты двѣ прошли, не молвя и двухъ словъ. «Экъ онъ насъ ошеломилъ!» сказалъ наконецъ Ручкинъ: «признаться, ребята: ужъ при экой оказіи не для чего и въ книгахъ рыться; товаръ наружѣ, думай и передумывай, — а дѣло столь ясное, святое. — Какъ нибудь не сдѣлается! Евангеліе-то, Богъ вѣдаетъ, когда съ

неба сошло, а случилось это вѣдь теперь только; такъ тутъ одному богоотступнику придетъ блажь въ голову, а намъ толковать не о чемъ, — кромѣ того — что помолиться Господу Богу, сподобившему насъ дожить до экаго явленья! Послѣ чего всѣ мы сняли кивера, перекрестились и ото всей души поблагодарили Царя Небеснаго! Въ слѣдъ за симъ, Скородумовъ дернулъ на рожокъ, Алексѣевъ далъ голосъ, пѣсенники подхватили, и отваляли бравую скоморошную новую пѣсню: За горами, за долами, Бонапарте съ плясунами.

ПИСЬМО XXVI.

У Свѣтлѣйшаго съ начала войны, находится на ординарцахъ Поручикъ Кушниковъ, который Генералу, вишь, съ родни; сегодня, пріѣхавши повидаться, только что вошелъ онъ въ ригу, въ которой ночевалъ весь нашъ полкъ, да и охлеснулъ насъ вѣсточкой, чтобъ другой вѣкъ не слыхать. «Я привезъ къ вамъ большое горе,» сказалъ Кушниковъ Шефу: «ужъ то не бѣда, что Наполеонъ прорвался и ушелъ; но горе за Кутузова, который такъ разстроился неудачей, что захворалъ даже, сердечный! Да и есть отъ чего: какъ прочли ему эту проклятую бумагу, онъ, забывшись, такъ хватилъ кулакомъ по столу, что доска по поламъ

разлетѣлась, да и кулаку-то не пройдетъ, чай, даромъ!» — «Порывъ сей извинителенъ,» сказалъ Генералъ: «онъ свойственъ всякому истинному сыну Церкви и Отечества! Таковымъ же точно нѣкогда двинута была душа Нѣмецкаго Апостола Мартина Лютера, когда онъ пустилъ чернилицу въ чорта! Это значитъ, что и самому умнѣйшему человѣку трудно предписать себѣ равнодушіе въ дѣлѣ Вѣры, чести и отечества!»

Но неужели и вся непріятельская армія успѣла безъ вреда переправиться чрезъ Березину? «Пишутъ, что съ большою и даже непомѣрною потерею,» продолжалъ Кушниковъ: «однако жъ Наполеонъ не одинъ и не для одного себя состроилъ два моста; само по себѣ разумѣется, что и при неимовѣрномъ счастіи, мосты сіи не дешево

ему стоятъ; не менѣе того, крайне удивительнымъ кажется успѣхъ его— при тѣхъ легкихъ способахъ, каковые въ подобномъ случаѣ неисчислимы на сторонѣ занимающаго противоположный берегъ и препятствующаго переправѣ, къ чему и самая рѣка представляла важныя пособія ужасными глыбами льду, по ней плывущими; но Чичаговъ или вовсе не умѣлъ воспользоваться предлежавшими ему средствами, или варварски былъ обманутъ!»—«Послѣднее вѣрнѣе,» сказалъ Генералъ: «отличная служба Чичаговыхъ оцѣнена въ Россіи не нынѣ; впрочемъ безъ ошибки вѣкъ не проживешь. Кто бѣжитъ, тому одна дорога, а кто ловитъ, тому много путей.»—Тутъ закричали: выходи! и чѣмъ кончился разговоръ, не знаю; но на походѣ пріютившійся къ намъ знакомый Строчкину казакъ, изъ сторо-

жевыхъ полковъ въ Главную квартиру присланный, всю подногошную показалъ намъ, какъ облупленое яйцо.

Лишь только заморской проказникъ вышелъ изъ Москвы (сказалъ разудалой Донецъ), то и началъ опять выкидывать штуки; вѣдь подъ Ярославцемъ наши казаки совсѣмъ было его схватили; ужъ онъ почти въ рукахъ былъ; одинъ только мигъ оставался: вдругъ окаянный оборотился дроздомъ, порхнулъ, и сгинулъ! Вотъ и теперь то же: вѣдь войска наши были на чику и ждали его какъ праздника, но пустилъ, слышь, клятвопреступникъ цѣлую тучу чертенятъ, по-Французски одѣтыхъ къ Старой Березинѣ, да и велѣлъ имъ морочить нашихъ со всѣхъ сторонъ, а самъ катнулъ въ Веселую (*),

(*) Въ Веселово.

да и переправился у холодка (*), хоть и не одна де тысяча изъ арміи его юркнула въ рѣку, кормить собою раковъ! Да и онъ нашему Генералу Чаплицу задалъ память: утеръ, слышь, ему носъ, схватилъ за ноги и отбросилъ, говорятъ, куда-то къ Страхову(**), да сполать Витештейну, подоспѣвшему изъ Полоцка: этотъ молодецъ все дѣло поправилъ; онъ до того билъ и громилъ бусурмановъ, что одна дивизія, положа ружья, сдалась въ плѣнъ; а другую, которая поупрямилась, подогнавъ къ рѣкѣ, велѣлъ просто живьемъ столкнуть въ воду; вотъ-те пѣсня вся и плясать нельзя!

Поровнявшись съ Борисовымъ, узнали мы, что при холодѣ, который со

(*) У Студенки.

(**) Къ Страхову.

вчерашняго дня важно сталъ напоминать намъ о своей родной Россіи, а Французамъ, что они въ гостяхъ, на чужой сторонѣ, — вся Наполеонова армія, чрезъ Березину переправившаяся, разбрелась, какъ безпастушное стадо: команды не стало, порядокъ исчезъ и каждый спасается по своему, только ужъ безъ пороха и безъ штыка! Теперь, братъ, и мы безъ ошибки можемъ сказать: этой большой, огромной, страшной арміи, которая ввалила къ намъ, какъ грозная туча со всемірнымъ потопомъ — вѣчная память!

*

ПИСЬМО XXVII.

Нужно ли, полно мнѣ, расказывать другу моему Лазаричу, какъ наказаны Всемогущимъ Богомъ преступные бусурманы? Война дѣло обыкновенное: кто съ кѣмъ не воюетъ? гдѣ не дерутся по ноздрямъ и гдѣ не подчуютъ другъ друга подъ микишки? но въ ссору человѣческую не приходится впутывать Творца милосердаго. Не сойдетъ даромъ никому съ рукъ, кто шутитъ законами Царя Небеснаго, всевидящаго и всеслышащаго, и кто полагаетъ руку на святыя иконы, или не уважаетъ святаго храма Его! — Давно ли, кажись, было, что Французы обрывали ризы и строили въ нашихъ церквахъ конюшни! — Теперь эти же Французы про-

сятъ у насъ пищи, и какимъ, ты думаешь языкомъ? «Кириста ради!...» полно, не могу болѣе говорить!... да и что бъ я ни сказалъ о столь важномъ, великомъ дѣлѣ, значитъ: вынулъ бы одно только зернышко изъ полнаго, набитаго хлѣбомъ анбара!

Взглянемъ разомъ на весь бѣлый свѣтъ, посмотримъ, что въ немъ насаждено, насѣяно, какихъ недостаетъ еще плодовъ и чудесъ? — и наконецъ подумаемъ: чьихъ бы силъ на это хватило? но для десницы Спасителя нашего Іисуса Христа, создать и разрушить, нуженъ одинъ мигъ! а мы, глупыя, скаредныя твари, осмѣливаемся подъ-часъ ломать пустую голову, умничать, судить и пересуживать непостижимыя намъ дѣла Его! а что и того хуже и грѣховоднѣе, позволяемъ себѣ мысль, что подлые, святой Вѣрѣ

противные поступки и нетвердая въ насъ присяга укроется отъ проницательнаго взора Сердцевѣдца, и что мы отдѣлаемся безъ наказанія!

Нѣтъ, пріятели! не такъ! скорѣе Волга потечетъ обратно въ Тверскую Губернію, чѣмъ обманемъ мы Бога!

Нынѣ, не по прежнему, на ученыхъ людей слава Богу недостатка нѣтъ; число грамотныхъ часъ отъ часу увеличивается; а мастерство всякаго рода такъ цвѣтетъ и зрѣетъ, и съ такимъ успѣхомъ лѣзетъ въ гору, что въ старину у насъ и надъ лаптями немного поболѣе голову ломали, нежели въ теперешнее время надъ часами, которые, гдѣ ни послышишь, то стучатъ, то звенятъ, то кукуютъ; а по трактирамъ есть такіе, что и казачка проклятые взвариваютъ. Ну,

право, досыта напляшется, кому попадетъ булавка въ голову! Къ слову скажу тебѣ, не солгу, а и самому все еще не вѣрится.

Однажды на походѣ ночевали мы возлѣ села, молодому еще, но какъ лунь сѣдому барину принадлежащаго; посреди села преогромный прудъ, на плотинѣ мельница и суконная фабрика; мы ходили смотрѣть, и что же? Снаружи два колеса вертятся какъ и вездѣ, а внутри: въ одномъ мѣстѣ рожь изъ возовъ сыплется сама, мука въ мѣшки набивается сама, и мѣшки на телѣгу укладываются, сказываютъ, сами же! Въ другомъ: шерсть бьется безъ людей, чешется, прядется, мошается и снуется безъ людей; половинки ткутся, слышь, безъ народа; потомъ, (хоть мы и не видали), но говорятъ, что эти половинки ухватят-

ся за крючки, да и переползутъ въ краску сами, а выкрасясь порядкомъ, и высушатся, и выстригутся, скатаются себѣ, и дѣлу конецъ!

«Да что же вамъ-то остается?» спросилъ я надсмотрщиковъ.—«Ѣхать на базаръ, продать сукно, да взять деньги,» отвѣчала мнѣ фабричная синяя фигура.—«Ну такъ у васъ здѣсь просто дьявольщина!» — «Нѣтъ, служба, не грѣши,» подхватилъ подошедшій бурмистръ: «ко всему прилажены машины; сперва и мы то же думали, какъ только дѣлались пробы; но какъ пришло къ заправской работѣ, баринъ призвалъ попа, отслужилъ молебенъ съ водосвятіемъ, велѣлъ окропить все строеніе, и струменты, что и маковой росинки не осталось, гдѣ бъ чорту можно было спрятаться; такъ послѣ этого упаси Господи дурное молвить!

Хоть выдумка-то, (нечего грѣха таить), и заморская, но дѣло, братъ, чистое.»

Вотъ до чего мы дожили, и какія на святой Руси явились причуды! Но коли въ этихъ причудахъ нечистая сила не въ долѣ, почему не учиться? Давай Богъ ума, да разума: полезное перенимать резонъ! Не однимъ же чертямъ, прости Господи, горшки-то обжигать! Науки не тяжелая и не громоздкая ноша, ни въ куль, ни въ ранецъ не укладываются, плечей не трутъ и голова отъ нихъ не пухнетъ. «Напротивъ того (слушай, какъ Генералъ говоритъ) науки кладъ; онѣ полируютъ человѣка, открываютъ въ немъ понятія и способности; науками пріобрѣтаются избытокъ и изобиліе, составляющіе счастіе людей вмѣстѣ всѣхъ и розно каждаго. Но при

всѣхъ высокихъ наукахъ (толкуетъ онъ), къ торгамъ и промысламъ относящихся, отнюдь не слѣдуетъ умъ и сердце отучать отъ святой Вѣры, главнѣйшее блаженство людей составляющей! Все, о чемъ рѣчь шла выше, есть дѣло людское, святая же Вѣра есть дѣло Божеское! Пусть, дискать, кто нибудь изъ полузаморскихъ фокусниковъ выучится проникать сокровеннѣйшія тайны, въ природѣ существующія и одному только Всемогущему Творцу извѣстныя! Пусть произведетъ дождь, окропитъ поля, въ засухѣ страждущія, упрочитъ благословенную жатву, устроитъ благо народа и предупредитъ бѣду, (вонъ какъ пораскажутъ, въ Питерѣ, и какъ при насъ въ Масальскѣ случилось, помнишь, какое ужасное было наводненіе?) Пусть слазитъ туда, отколь въ различныхъ

явленіяхъ ниспосылаются къ намъ и благодать и гнѣвъ Господень! Наконецъ, пусть снесетъ съ неба новый уставъ Вѣры и объявитъ новую волю Вседержителя! Но и тогда обязанности къ присягѣ могутъ перестроиться на иной ладъ; но не могутъ сдѣлаться менѣе важны, менѣе священны! — Умъ — даръ Неба! сокровище сіе ввѣряется намъ къ общей пользѣ человѣчества! Получившій драгоцѣнный даръ сей неизбѣжно поставленъ въ священную обязанность уплатить долгъ Творцу, сливая пестрыя понятія людей ограниченныхъ, недальнихъ, въ общій сосудъ вѣры, надежды и любви; иначе подобный человѣкъ не стоитъ выѣденнаго яйца! Вникните въ строгость законовъ, существующихъ между пчелами въ ульѣ; посмотрите на порядокъ и устройство сего маленькаго

царства, на трудъ и повиновеніе подданныхъ къ матери-царицѣ сихъ дивныхъ трудолюбивыхъ твореній! Честію увѣряю, что человѣкъ, не твердый въ Вѣрѣ, но съ умомъ, съ душею и съ сердцемъ, покраснѣетъ, раскается и исправится, оставаясь на всю жизнь благодаренъ благороднымъ мухамъ которыя за море не летаютъ, а волю Творца своего, едва ли не лучше людей знаютъ. Пусть, еще разъ скажу, кто нибудь изъ блудныхъ дѣтей природы произведетъ новое, пчелиному подобное царство, и покажетъ чудо сіе усилію человѣка покорившимся; тогда и мы вмѣстѣ съ вимъ подумаемъ, какъ дѣлу быть.» — Ну, ужъ противъ этого, братъ Лазаревичъ, сказать точно нечего! Генералъ рѣдко говоритъ о пчелахъ; видно, что за ними не хаживалъ, а я съ покойнымъ

отцемъ до службы, живмя жилъ на пчельникѣ, и пречудныя диковинки знаю, такъ, что мурашки по кожѣ заползаютъ, коли все пересказать. Въ ульѣ-то, братъ, такія подъ часъ перевалки идутъ, что и Боже упаси! Чуть которая не въ решпехтѣ (*), или замѣчена въ лѣности, — тотчасъ крылья прочь, а это все равно, что нашему брату голову отляпать.

Я люблю слушать, когда Генералъ учитъ насъ: рѣчь у него всегда умная, понятная, и доказательства вѣрныя, неоспоримыя, но, между нами будь сказано, Вавила Пафнутьичъ, по моему, не хуже его дока! Лишь остались мы одни, а онъ и выступилъ впередъ. «Калякалъ Его Превосходительство много, а вѣдь начало-то вышло безъ конца,

(*) Солдатское выраженіе.

(молвилъ Пафнутьичъ), чтобъ вколошить правду матку въ душу каждаго изъ насъ, надобно бы сказать покороче, да пошолще, ну о чемъ тутъ толковать?

«Если каждая устроенная хата имѣетъ своего хозяина, (безъ котораго ея бы и не было), то конечно есть и Создатель міра, безъ коего не стоялъ бы и міръ сей! А пословица ясно говоритъ: что въ Россіи и въ Польшѣ, хозяина нѣтъ больше! Мы и простые люди, но затѣйливы, частенько даже и за сущую бездѣлицу сердимся, бѣсимся, и Богъ знаетъ за что колошматимъ, если не людей, такъ бѣдную скотину! А что въ благой часъ достается отъ насъ дражайшимъ супругамъ нашимъ? Иное мѣсто, такъ ей сердечной хохолъ натрешь, что бѣдняжка, словно угорѣлая, и въ

сѣнцы не вдругъ слѣдъ сыщешъ, — быть по моему, да и только, говоримъ мы!... А кто же мы? едва мыслящіе, жалкіе слѣпцы, ну просто на просто ползающіе черви; можно ли же послѣ сего забыть Вѣру, ниспосланную Виновникомъ бытія нашего, Господомъ Вседержителемъ, измѣнить присягѣ и позволить себѣ преступную дерзость сказать: не быть по власти Божіей!» — «Стой!» заревѣлъ во все горло осерчавшій Пафнутьичъ: «опомнись, несчастная тварь! подлая, ничтожная паутина, образумься! и со слезами горести и скорби умоляй о прощеніи, помилованіи и спасеніи поганой души твоей. Благъ Господь и милостивъ! Онъ не отвергаетъ чистосердечныхъ раскаяній грѣшника, и — на примиреніе съ Отцемъ Небеснымъ всегда не поздно!»

«Къ кашамъ!» прокомандовалъ дежур-

ный: «прощай братъ; желудокъ разсудку не всегда вѣрный другъ; у него свои машины. Вотъ,» Лазаревичъ, было бы славно, если бъ заморскіе хитрецы выдумали этому неугомонному желудку какую нибудь музыкальную дудку, чтобъ онъ пѣсенки слушалъ, а хлѣба не просилъ. Шутки ли стоитъ! въ одинъ только годъ, по меньшей мѣрѣ, семь сотъ разъ придется удовлетворить неотступнымъ его требованіямъ: сколько надобно провіянта? А чего это стоитъ бѣднымъ зубамъ? Ужъ подлинно отъ души сказалъ бы проказникамъ спасибо, избавясь отъ докукъ и ежедневныхъ хлопотъ! Но покуда они дудку-то выдумываютъ, а теперь поспѣшимъ, чтобъ не простыла мать наша.... каша.

ПИСЬМО XXVIII.

Березина загружена обозомъ и тѣлами ушопшихъ въ ней бусурмановъ; намъ запрещено и воду брать изъ рѣки. Версты, слышь, на двѣ дорога загромождена была повозками, навьюченными Московскимъ добромъ и церковною утварью. Но неправедное созданіе не пошло въ прокъ, и всѣ сокровища, какъ хмыль взялъ! А слѣдуя далѣе къ Вильнѣ, пришлось увидѣть всѣ ужасы, каковымъ бываютъ обречены и преданы безбожные люди. Бонапартъ и Французы злодѣи наши; но не было дня, чтобъ мы не плакали, видя несчастія и бѣды лютыхъ враговъ своихъ. Не родись человѣкъ на бѣлый

свѣтъ! Свое горе отъ сердца отлегло, а чужое на сердце упало!

Вдругъ видишь цѣлый лагерь умершихъ солдатъ; а между большими сотнями окостенѣвшихъ, десятокъ, другой шевелящихся, слышащихъ наше движеніе, желающихъ попросить помощи и пищи, но лишенныхъ уже силъ говорить. Они мычатъ только непонятнымъ гуломъ и отъ рѣдкаго услышишь: *дуйпень!* а нѣкоторые выучились и просятъ ужъ *клѣба!* но какъ пособить горю нельзя, то и отворотишься въ другую сторону; а тутъ опять тѣ же полузамерзшіе, завернутые въ юбки, въ тряпки и въ сырыя, содранныя съ упалыхъ лошадей шкуры; часто видишь, что у шатающагося безъ всякой уже мысли полупокойника шапкою укутана нога, а снятыми съ умершаго товарища панта-

лонами обвернуша голова. По счастью, большая изъ нихъ часть бродишъ, не имѣя ни памяши, ни понятія, ни чувства! Нѣкоторые, собравшись съ послѣдними силами, раскладываютъ огонекъ, начинаютъ грѣшься, да и сгорятъ вмѣстѣ съ хворостомъ и дровами; а у кого есть еще силы, лишь завидятъ Русскихъ, бѣгутъ къ намъ, и ради, бѣдные, какъ будто своимъ! Ну, ужъ экому-то, братъ, отъ сердца оторвешь, а подѣлишься: чѣмъ Богъ послалъ! Да правду сказать: мы таки рѣдкимъ и отказывали, покуда могли.

Лежачаго не бьютъ (какъ говорится); а нужда и рукавицу съ варгой сроднила. Кромѣ того, виноватъ, Лазаревичъ! мнѣ нравится ужъ подлинно военный въ нихъ обычай: вѣдь, холодно, голодно, животики у окаянныхъ пустехоньки, нашлось бы мѣсто насѣдкѣ и съ яйца-

ми, — а заморской чести не роняютъ: руки всегда держатъ въ карманѣ и плюютъ вѣчно черезъ зубокъ!

Третьяго дня еще получено, слышь, донесеніе, что Вильну занялъ славный, неутомимый нашъ наѣздникъ Всеславинъ, который выдержалъ жаркое сраженіе, получилъ жестокую рану, но побѣдилъ враговъ и овладѣлъ городомъ.

Вчерась, лишь вступили мы въ Вильну, тотчасъ лучи отъ краснаго солнышка обогрѣли наше сердечушко; пронеслась милая вѣсточка, что Царь Государь себя намъ покажетъ и на насъ поглядитъ; я самъ видѣлъ уже многихъ изъ Питера пріѣхавшихъ Царскихъ Генералъ-Адъютантовъ. Поляки суетятся и приготовляются встрѣчать Его; но съ нашей стороны все батюшкѣ Православному Царю приготовлено: мы передъ Царскою главою,

какъ листъ передъ травою, станемъ съ чистою любовью, съ преданною душею, съ пламеннымъ сердцемъ и съ готовностію летѣть вновь, куда прикажетъ! Стало быть, чѣмъ богаты, тѣмъ и ради.

На молитву, братъ Лазаричъ! становись на колѣни, и молись Всеблагому, Непостижимому, Милосердому Русскому Богу! Не успѣлъ я и письма кончить, какъ Государь прибылъ, а вмѣстѣ разнеслась по всему городу и влилась въ сердце каждаго Русскаго торжественная радость: пришелъ-де рапортъ отъ Атамана Платова и отъ наѣздниковъ, что всю иностранную сволочь, которая могла еще передвигать ноги, выгнали они за границу; что Бонапартъ ускакалъ въ Жидовской бричкѣ за море, и что ни единаго бусурмана на святой Руси съ оружіемъ

въ рукахъ не осталось, — отлились коровкѣ медвѣжьи слезки!

Ура! съ нами Богъ! Разумѣйте языцы и покоряйтеся, яко съ нами Богъ!

Теперь прочти надпись на Царскомъ крестѣ, въ Московскомъ Успенскомъ Соборѣ хранящемся: «*Имѣяй* «*вѣру непостыдную, и исполняяй запо-* «*вѣди Божія, побѣдитъ враги своя.*» — Что же сказать послѣ этого? По моему, молча, опять на колѣни, и опять то же: Съ нами Богъ! разумѣйте языцы и покоряйтеся, яко съ нами Богъ!

ПИСЬМО XXIX.

Ты знаешь, старыя пословицы: за Богомъ молитва, а за Царемъ служба не пропадаетъ; а что стерпится, то слюбится; такъ со мною и сбылось. Чрезъ три дня, какъ прибылъ въ Вильну батюшка нашъ, Царь Государь, тотчасъ объявлено всѣмъ нижнимъ чинамъ, по доброй волѣ къ арміи прибывшимъ, что тѣмъ, кои пойдутъ за границу и останутся въ службѣ до конца всей войны, будетъ выдаваться по смерть жалованье въ-четверо, а кто пожелаетъ нынѣ воротиться домой, получаетъ двойной окладъ, и сверхъ того тѣмъ и другимъ повелѣно выдать на дорогу каждому по 50 рублей въ награду. «Насталъ золотой

вѣкъ,» говоритъ нашъ Генералъ: «освѣтитъ, согрѣетъ, оживотворитъ наше красное солнышко, Александръ I, весь подлунный міръ! Скоро загорятъ и бусурманскія сердца чистѣйшею къ Нему любовію, какъ горятъ и пламенѣютъ наши, Русскія вѣрноподданныя!» Многіе вышли впередъ и отозвались, что готовы съ Отцемъ Царемъ хоть на край бѣлаго свѣта! Зависть и въ мою душу заглянула, но имячко молодой жены, дорогой моей Хавроньюшки, строго прокомандовало сердцу: «стой!» я хватилъ кулакомъ по сердцу, отвалялъ на лѣво-кругомъ и получилъ пашпортъ.

На всѣхъ большихъ и малыхъ начальниковъ пролились обильныя милости: Кутузовъ названъ Княземъ Смоленскимъ и получилъ 1-го Егорья, преширокую чрезъ плечо ленту, на какой

и у тебя есть и у меня висишъ серебряный крестъ, полученный въ Швеціи; нашему Генералу напялили красную и тоже черезъ плечо; во всей Арміи будутъ, вишь, медали на голубой лентѣ съ надписью: «*Не намъ, не намъ, а имени твоему;*» не забытъ и нашъ братъ, солдатъ: я за Красное еще произведенъ въ унтеръ-офицеры, а теперь удвоено жалованье и на прежній крестъ и за службу, — есть за что благодарить Бога и Великаго Государя. Прослужа прежде 25 лѣтъ, да теперь три мѣсяца, мнѣ только что 47-й годъ, а Русскому вѣдь это шаль; работать могу, сила есть, жена молодая, славная; дѣти будутъ, Царскихъ милостей хватитъ и на одежду и на брагу къ престольному празднику! Заживемъ, братъ Лазаричъ, какъ въ малинничкѣ! Чай, помнишь Ручкина? Онъ тоже хва-

тилъ на диковинку: — теперь уже Прапорщикъ, и вѣрно не осрамитъ благороднаго званія, станетъ у хорошихъ людей учиться, какъ въ свѣтѣ жить, не запачкаетъ офицерскаго мундира, а по привычкѣ, хоть душой и будетъ жить съ солдатами, но тѣломъ станетъ двигаться, какъ прилично, знашь, боярину; вѣдь онъ теперь полный дворянинъ: не дерзнетъ солдатской сивухи пить стаканами, не будетъ закусывать луковкой, не провоняетъ отъ него комната въ квартирѣ порядочнаго хозяина, не дастъ онъ собою дурнаго примѣра своимъ подчиненнымъ, не лизнетъ чужбинки, не допуститъ ни пушку, ни перышка къ рыльцу, и не станетъ живиться потовою и кровавою солдатскою копѣйкою; перейметъ (недалеко ходить) у Генерала, чѣмъ заставляетъ онъ честныхъ,

добрыхъ людей любишь себя, какъ душу, и почему въ одно и то же время всѣмъ дурнямъ кажется громовою стрѣлою; будетъ итти путемъ чести и правды. «Хорошій и справедливый начальникъ (говоритъ Генералъ) достояніе общее. Онъ не забываетъ прежняго родства, знакомства и дружбы, но не менѣе онъ нѣжный другъ и близкій родственникъ всякому тому, кто служитъ честно и у кого добрая воля есть лучезарная звѣзда — путь къ славѣ освѣщающая!» Короче сказать, нашъ Ручкинъ, хоть и доморощеный офицеръ, но съ помощію Бога пойдетъ въ дѣло, и ужъ коли угодно было судьбѣ приподнять его выше, такъ столкнуть его можно, но самъ онъ не проступится и не упадетъ, — шалишь, кривая, не туда заѣхала!

Передай, братъ, Лазаричъ, прило-

женное при семъ письмо моей хозяйкѣ, и скажи, что всѣ отставные, въ Россію возвращающіеся, для замѣны служащихъ назначены провожать плѣнныхъ въ разныя мѣста. Мнѣ досталось итти въ Тамбовскую Губернію, но конча сію послѣднюю службу, я вытянусь передъ нею, и закричу изо всей мочи: «Здравія желаю, другъ сердечный, Хавронья Абросимовна!»

ПИСЬМО XXX.

Увѣдомляю тебя, сизая голубушка, свѣтлая моя звѣздочка, наливное мое яблочко, что я живъ, здоровъ и веселъ, а впредь уповаю на Господа! — Теперь ни сердиться, ни плакать тебѣ не приходится; вся бѣда на святой Руси кончилась, заживемъ съ тобою припѣваючи. Лазаричъ пишетъ, что ты и не-вѣсть, какъ безкуражишься; не гнѣви Бога, ненаглядная; не ропщи и не жалуйся; у тебя хоть сердце нѣжное, но сердце Русское, раздалое; вѣдь не усидѣть бы и тебѣ въ дому, поджавъ ручки бѣлотѣлыя, если бъ врагъ толкнулъ тебя въ живое, ни за что, ни про что, ни дай, ни вынеси; а военная душа за всѣхъ горитъ:

Русской солдатъ до гробовой доски, монета Царская, ходячая. Но о чемъ же болѣе? Разлука наша кончилась; я на вѣки твой и люблю тебя, какъ душеньку; ты мнѣ краше цвѣту макова, миловиднѣй цвѣту розова, ты душистѣе садовой зари! И Кремневъ твой, отслужа Царю, молодцомъ къ тебѣ представится, вдвое лучше, чѣмъ доселѣ былъ, веселѣе и казистѣе! Жди, нагряну съ поцѣлуями, съ залихватскими, съ... горячими. Лишь любовь бы, да согласіе, а вдвоемъ — все легко выдумать!

Конецъ переписки.

ПРИБАВЛЕНІЕ

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Къ 6-му Декабря (1812 года), торжественному дню, празднуемому Св. Угоднику и Чудотворцу Николаю, на лицѣ Русской земли, побѣдная пѣснь замѣнила смертоносные, убійственные гулы, близъ полугода въ огорченныхъ Русскихъ сердцахъ отражавшіеся! Отеческое вниманіе и щедрыя награды Государя Императора, вездѣ, всюду и на всѣ званія Богомъ спасеннаго народа пролившіяся, были неисчислимы, а восхищеніе и радость побѣдителей равнялись съ тяжкимъ горемъ побѣжденныхъ, слѣдовательно и неописанны!

Не было подвига, который, коснувшись нѣжной отеческой Монаршей души, остался бы достойно и правед-

но неуплаченнымъ! Сему доказательствомъ не менѣе прочаго служатъ и наши герои, изъ коихъ Ручкинъ, какъ извѣстно, произведенъ въ офицеры; Свистунову, по смерть его, опредѣлена пенсія по сту двадцати рублей въ годъ, а родителю Сучкова, отставному унтеръ-офицеру, который, по розыску, оказался присяжнымъ въ Казначействѣ, Высочайше повелѣно: выдать единовременно пять сотъ рублей. Кремневъ, явившій собою, въ числѣ прочихъ, рѣдкій примѣръ сыновней любви къ отечеству, кромѣ того, что, обезпеченный Высокомонаршею милостію въ житейскомъ быту и поднесь еще блаженствуетъ, пользуясь явнымъ во всѣхъ дѣлахъ и предпріятіяхъ пособіемъ всеобщаго покровителя, Господа Бога, онъ скупаетъ у помѣщиковъ по сосѣдству въ оброчное содержаніе излиш-

нюю землю, обработываетъ оную наемными людьми, ведетъ значительный торгъ хлѣбомъ, и симъ, позволительнымъ всякому гражданину промысломъ, успѣлъ составить знатный капиталъ. Ему подъ семьдесятъ уже лѣтъ, но онъ здоровъ, веселъ, и довольно еще имѣетъ силъ присматривать за хозяйствомъ; супруга его, Хавронья Абросимовна, и по сей часъ еще баба, что называется — король! Изъ трехъ сыновей, коими благословилъ Богъ сію счастливую чету, два на военномъ уже поприщѣ, а послѣдній, младшій, во уваженіе къ службѣ почтеннаго воина, по ходатайству мѣстнаго Начальства, оставленъ старикамъ на пропитаніе, и, со временемъ, будетъ составлять подпору и утѣшеніе инвалида. Я любилъ Кремнева, какъ роднаго брата; было нѣкогда, что однимъ Медикомъ

пользовались и однимъ фельдшеромъ перевязывались раны наши, въ сраженіи на одномъ полѣ полученныя; видѣлъ въ 1812 году, и хвалилъ въ свою очередь, достойный уваженія подвигъ его, а какъ съ того времени пролетѣлъ 21 годъ, посему давно уже полагалъ я добраго друга въ покойной могилѣ. Но Провидѣніе длитъ жизнь вѣрныхъ сыновъ Церкви! Проѣзжая въ прошломъ году, по нѣкоторымъ надобностямъ, проселочною дорогою чрезъ село Богоявленское, при любопытномъ разговорѣ съ жителями, къ чему, признаюсь, имѣю врожденную страсть, узналъ я, что въ томъ селѣ было двое жестоко-израненыхъ и на меня похожихъ солдатъ, изъ коихъ: безногій, *Ранцевъ*, нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ умеръ, а *Кремневъ* съ женою,

живутъ на краю села въ собственномъ домѣ.

Сердце мое забилось отъ удовольствія, и какъ, по дальнѣйшимъ распросамъ, не оставалось болѣе сомнѣнія, немедленно приказалъ я проводить себя къ старому сослуживцу и товарищу, которымъ тотчасъ былъ узнанъ по недостатку членовъ (о чемъ Кремневъ увѣдомленъ былъ всеобщею молвою). Перо мое слабо выразить необыкновенную и сумасбродную, можно сказать, радость сороколѣтняго друга! Сто разъ бросался онъ обнимать меня; сто разъ принимался плакать, смѣяться, творить молитвы и пѣть пѣсни; Абросимовна (съ именемъ моимъ, чрезъ сожителя вѣроятно давно уже знакомая), въ восхищеніяхъ неуступала мужу, и я, при столь непритворныхъ комплиментахъ, повинуясь чув-

ствамъ души, залился также слезами, только ужъ истинно сладкими.

Время было ранняго обѣда; добрый Кремневъ, Христомъ и Богомъ упрашивалъ меня, не побрезгивать хлѣбомъ-солью всѣмъ сердцемъ обрадованнаго хозяина, на что мнѣ пріятно было согласиться, тѣмъ болѣе, что въ коляскѣ моей дорожный запасъ былъ холодный, черствый, а свѣтлица Кремнева, преисполненная благотворнымъ запахомъ сальнаго вещества, обѣщала славныя Великороссійскія щи, къ коимъ въ послѣдствіи присоединились превкусная съ потрохами похлебка и жареный поросенокъ съ начинкою грѣчневой каши, короче сказать: столъ, по чести, былъ царскій! Кремневъ, ногъ подъ собой неслышащій, ободрился, вытянулся, помолодѣлъ, и прокомандовавъ женѣ (съ деликатнѣйшею нѣж-

ностію): поворачивайся, старая хрычовка! выскочилъ въ клѣть, гдѣ, облекшись въ тонкій темнозеленаго сукна, галунами украшенный сюртукъ, явился съ полуштофомъ медовой анисовой водки, съ бутылкою домашней вишневки, и скатертца тотчасъ развернулась! «Первое горе, съ тѣхъ поръ какъ въ отставкѣ, узналъ я, лишась сосѣда и пріятеля моего Ранцева, который на рукахъ моихъ скончался, и безъ котораго о старинѣ и службѣ здѣсь поговорить не съ кѣмъ; впрочемъ, я счастливъ и доволенъ всѣмъ по горло! Не знаю, какъ и благодарить Господа Бога за милость Его къ намъ грѣшнымъ,» сказалъ Кремневъ: — «а для такого дорогаго гостя у меня все найдется! Да что жъ ты осовѣла, Хавроньюшка?» — «Ахти, Данилычъ! какой ты рьяной; видно не знаешь, что у

меня отъ радости все еще трясутся руки,» отвѣчала Абросимовна.

Примѣтя, что радушные хозяева имѣютъ намѣреніе угощать меня, какъ большаго барина, съ почестію, Земскому Засѣдателю приличною, я на отрѣзъ сказалъ, что буду пить и ѣсть, сколько имъ угодно, съ условіемъ, однако жъ, чтобъ добрая чета обѣдала вмѣстѣ со мною, каковаго уваженія, кромѣ шести ранъ, полученныхъ старикомъ въ сраженіяхъ, и имѣющагося у него знака Военнаго ордена, я нахожу его достойнымъ и по одной уже отличной службѣ, въ продолженіе коей мы разомъ подвизались въ горестную эпоху отечественной войны, разомъ плакали за скорбь матери нашей Россіи, и въ одно время прыгали отъ радости за успѣхи Бѣлаго Царя! — «Довольно! Чины въ сторо-

ну!» повелительно сказалъ я: «долой тридцать лѣтъ съ костей! сядемъ по ранжиру, какъ славные Русскіе солдаты-товарищи; какъ родственные друзья по молодецкому штыку и по смѣшавшейся на поляхъ чести крови нашей, какъ страдальцы, обѣими ногами въ гробу стоящіе, но какъ герои врагамъ все еще страшные, при первой опасности любезному отечеству мечемъ препоясаться и по первому призывному слову батюшки-Царя каменную грудь нашу къ стѣнѣ вѣрныхъ примкнуть готовые.»

Едва я окончилъ приказъ мой, Кремневъ кинулся мнѣ на шею, цѣловалъ во что попало, и слезами запачкалъ мнѣ пострѣлъ все лицо, а къ довершенію благодарности, за честь, каковой умѣлъ дать цѣну, онъ приказалъ безъ пощады лобызать меня и Ха-

вроньѣ Абросимовнѣ. Наконецъ, послѣ всѣхъ, (изъ непритворной радости родившихся продѣлокъ) перекрестясь, какъ водится, всѣ усѣлись за столомъ. Мы забыли настоящее, дышали прошедшимъ, слѣдовательно были молоды, веселы и довольны, какъ счастливые, по страсти женившіеся мужья въ первый день свадьбы, или какъ по расчету сочетавшіеся супруги, при полученіи во владѣніе тучныхъ пажитей и банковыхъ билетовъ. Никто не мѣшалъ сердечнымъ изліяніямъ и взаимнымъ расказамъ нашимъ о дѣлахъ славы; никто не огорчалъ насъ тяжкими вопросами о прожитыхъ нами на бѣломъ свѣтѣ лѣтахъ, и тяжелая и чугунная тайна сердца всѣхъ стариковъ, покоясь въ полуразрушенныхъ оболочкахъ, кой-гдѣ кстати и то слегка, нѣжно, скромно отзывалась,

что обоимъ намъ стукнуло ровнехонько сто двадцать пять лѣтъ; короче сказать: говоря о святой старинѣ, мы были молодцы въ точномъ смыслѣ слова, и Абросимовна не ходила, но летала съ блюдами, какъ Христова пчелка: тихо, томно, чтобъ не прервать и не проронить словечка изъ штурмовой, громоносной рыцарской были. Въ продолженіе трапезы, предложены заздравные кубки. Выпито было за здоровье славнаго, прямо Русскаго Императора Николая, за весь благословенный, драгоцѣнный Домъ Его; за Наслѣдника Престола, юнаго Русскаго солнца, прекраснаго Александра, котораго Кремневъ, въ бытность въ Москвѣ, въ Ноябрѣ 1831 года, видѣлъ въ Соборѣ, когда съ Вѣнценоснымъ Родителемъ прикладывался онъ къ Святымъ Мощамъ. «Голубчикъ мой,» въ уми-

леніи сердца воскликнулъ Кремневъ: «Онъ и хорошъ-то — имянно по-Русски!» съ чѣмъ вмѣстѣ осушилъ чару до дна, присовокупя, сквозь слезы, что минута столь трогательная, святая и въ жизни его едва ли не лучшая, пойдетъ съ нимъ въ гробъ! Послѣ сего не забыто было: здоровье побѣдоноснаго Россійскаго воинства и матушки Россіи!

«Да какъ же помянемъ покойнаго Благодѣтеля Отца-Государя Александра Павловича и Спасителя отечества, Кутузова?» спросилъ меня Кремневъ. Съ удивленіемъ взглянулъ я на почтеннаго солдата. По чести, выходка, столь благородная и благодарная, разительнымъ была мнѣ упрекомъ. Кремневъ зналъ, что я сдѣлалъ исполинскій шагъ: отъ патронной сумы къ шитому золотомъ мундиру въ царствованіе

Благословеннаго Александра, вѣдалъ, что Кутузовъ по часъ смерти былъ моимъ благодѣтелемъ, и безъ намѣренія конечно, но важный далъ мнѣ урокъ! «А ты какъ бы хотѣлъ выполнить сей священный долгъ?» спросилъ я Кремнева, на котораго, признаюсь, припомня Русскую пословицу: «*кусокъ золота неопрятный сынъ земли: не умоешь и не утрешь, не заблеститъ и не узнаешь*», сталъ я посматривать другими глазами. «По моему, встать,» сказалъ онъ: «помолиться о душахъ незабвенныхъ и выпить за упокой, чѣмъ оканчиваютъ и священные чины.» — «Но они подъ часъ.... и черезъ-чуръ!» примолвила Абросимовна. Послѣ сего Кремневъ и жена его выскочили изъ-за стола и сдѣлавъ отъ чистаго сердца поклоновъ по тридцати, расказали мнѣ, что первый шагъ къ промыслу,

коимъ упрочили настоящее безбѣдное состояніе, сдѣлали они съ помощію Царской награды, полученной въ Вильнѣ. *Дорога милостыня во время скудости!* «Точь въ точь и со мной было то же,» сказалъ я: «но все таки спасибо тому, *кто кормитъ*, а вдвое тому, *кто хлѣбъ-соль помнитъ*.» — «Какъ забыть Императора Александра!» возразилъ Кремневъ. — «Я ручаюсь, что и дѣти мои до гробовой доски не престанутъ съ такимъ же усердіемъ молиться за него Богу.»

Не скрою слабости моей: виноватъ! люблю добрыхъ, честныхъ солдатъ не менѣе самого себя, будучи убѣжденъ, что отъ души ихъ текутъ выраженія чистыя, неподдѣльныя, и признательность къ справедливому начальству желчью нерастворенная. Посему, я ни въ чемъ не хотѣлъ отказы-

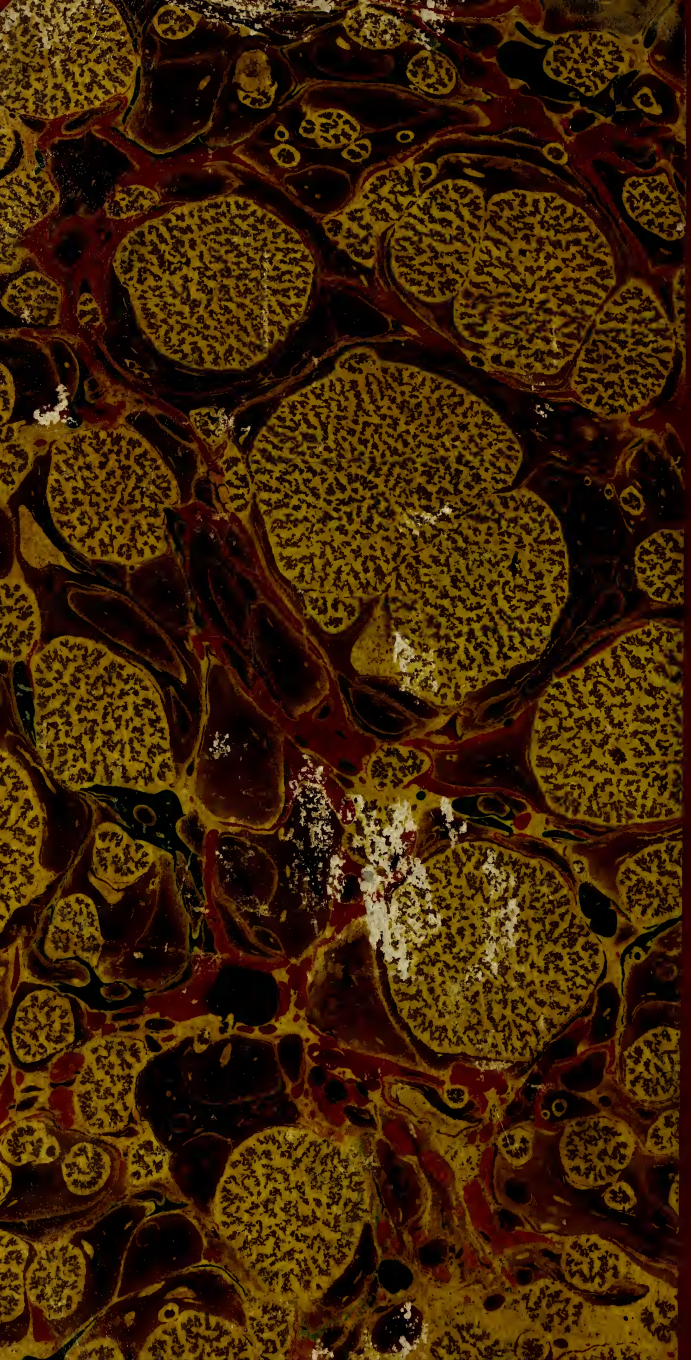
вать Кремневу, но исполняя желанія его, препорядочно подгулялъ, хотя, по физическому устройству урода, подобный случай, дурною былъ посылкою.

Садясь въ коляску, я хотѣлъ было сдѣлать Кремневу денежный подарокъ. «Не отравляйте ядомъ, Ваше Превосходительство, дня, въ жизни моей драгоцѣннаго!» сказалъ онъ. Понявъ, что у него на душѣ, я простился съ другомъ, и уѣхалъ съ удвоеннымъ почтеніемъ не только къ службѣ, но и къ правиламъ благороднаго Русскаго солдата.

КОНЕЦЪ.

THE LIBRARY OF THE
UNIVERSITY OF
NORTH CAROLINA
AT CHAPEL HILL

RARE BOOK COLLECTION

The André Savine Collection

PG3361
.S52
P63
1833